

МАРИНА АНДРЕЕВА
ПРИВОРОТ
ПОБОЧНЫЙ ЭФФЕКТ

Марина Андреева
Приворот. Побочный эффект
Серия «Пятьдесят оттенков магии»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22557374
Приворот. Побочный эффект: АСТ; Москва; 2017
ISBN 78-5-17-100666-2*

Аннотация

Умирая, моя бабка передала мне ведьмовскую силу, завещав хранить девственность до брака и не использовать дарованную силу до рождения дочери. Но не сдержала я слова, сделала приворот. Теперь изводят меня сны, не дающие отдыха, лишь изматывающие душу и тело, а удовлетворить свои потребности боюсь. Хватит, один раз не сдержала обещания. Я и у врачей была, и у экстрасенсов. Никто не помог. И вдруг попала к истинной ведунье, коя поведала способ избавления от проклятия, но сделать это можно лишь внутри тех самых снов...

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Шанс на спасение	9
Глава 2. Борьба с соблазнами	22
Глава 3. Сделка с... ведьмой	31
Глава 4. Знание – сила	44
Глава 5. Первый анализ снов	55
Глава 6. Исследование № 2	64
Глава 7. Неожиданный поворот судьбы	75
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Марина Андреева

Приворот.

Побочный эффект

© М. Андреева, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Пролог

Вот что за беда? Казалось, уже заснула, ан нет. Видимо, разбудил свет, включенный соседкой по комнате. Чего ей не спится? Склонилась над тетрадью, читает. Ну что за наказание! Днем учиться надо, а не по ночам. Краем глаза замечаю чей-то силуэт возле окна. Хм... Брюнет лет сорока – сорока пяти, немалого роста, судя по тому, как умудрился присесть на далеко не низкий подоконник, свесив ноги до самого пола. Чей-то родитель нагрянул? В такое время?

Как назло, отопительный сезон уже начался, в комнате невыносимо душно, поэтому спать легла в нижнем белье, укрывшись тонкой, едва ли не прозрачной простынкой, которая практически ничего не скрывает. Да и нечего стесняться было, живем же в женском общежитии. Кто же знал, что к нам гости пожалуют.

Упс! Пока я тут трепыхаюсь в попытке прикрыться, он наблюдает за мной. Отвести бы взгляд, но... не получается. Эти неестественно синие глаза притягивают, лишая воли и пробуждая в глубине сознания низменные желания. Бог мой, что происходит?

– Убери эту тряпку, – от звуков низкого хрипловатого голоса по телу пробежала орда мурашек.

Наконец-то удалось оторвать взгляд, и я тут же посмотрела на соседку по комнате, будучи уверенной, что мужчина

обращается к ней. Но та продолжает читать, словно и не замечает ничего вокруг. Странно.

Незнакомец отлепился от подоконника и, сделав шаг к кровати, одним движением сорвал с меня простыню. Ухватилась за край пусть полупрозрачного, но укрытия. Тонкая ткань без малейшего усилия со стороны мужчины выскользнула из моих пальцев.

Что он творит?! Лицо и уши вспыхивают. Вскочить бы с кровати, натянуть на себя что-нибудь из одежды, возмутиться в конце концов, но... мое тело не слушается, будто мне и не принадлежит. Радует, что хоть ноги сумела согнуть в коленях и бедра посильнее сжать. Если он решил меня изнасиловать прямо тут – не дамся!

Нет, ну что за бред? Почему Светка никак не реагирует на этот беспредел? Может, я все же сплю? Меня чем-то опоили? Или околдовали?

– Сними это, – он жестом указал на лифчик.

И, о кошмар! Мои руки послушно выполняют требуемое! А глаза косятся на соседку в надежде, что та сейчас заметит неладное и спасет, но она продолжает читать.

– Погладь, – вновь раздается хриловатый низкий голос.

Щеки горят. Зажмурилась. Стыдно-то как! Моя фигура оставляет желать лучшего, все же лишние пятнадцать килограммов на боках – весомый повод для развития комплексов. А тут такое!

Руки, не считаясь с мнением хозяйки, погладили нежную

кожу на грудях и отстранились, вместо того чтобы прикрыть ее.

– Не прекращай...

И да. Они продолжили. Вскоре смущение и раздражение смыло волной неведомых доселе ощущений. Полушария под моими ладонями набухли, соски затвердели. Кожа стала чувствительной: грудь – нежный гладкий атлас, пальцы – шероховатый бархат. Каждое движение, вызывавшее мгновение назад щекотку, теперь отзывается приятным теплом внизу живота. И ноги предательски расслабились, опустились на простыни, приняв горизонтальное положение.

– Пощекочи их, – молвил все тот же голос, и я поняла, о чем речь.

Пальцы легонько коснулись сосков. Тело задрожало и тут же изогнулось дугой. Пришлось прикусить губу, чтобы не застонать в голос. Каждое прикосновение, словно электрический разряд. Хочется вцепиться в соски и крутить их, сжимая, словно в клещах, но команды не было, и мои руки послушно продолжают щекотать затвердевшую, невероятно чувствительную плоть.

– Хочешь себя поласкать? – слегка хрипловатый вкрадчивый голос звучит возле самого уха, и горячее дыхание мужчины касается моей кожи.

Голоса по-прежнему нет, и я киваю.

– Тогда сжимай, гладь, щекочи... все что тебе хочется... отдайся своей страсти.

Хочется? О, да! Мне очень хочется! Безумие...

— О-о-о... — вырвалось наружу, когда твердые, напряженные пальцы вцепились в превратившийся в оголенный нерв сосок одной груди.

Потом пришел черед второго. Боги! Как же сладко! И почему прежде не делала ничего подобного?! Мне же было велено не терять девственность, а это всего лишь ласки... М-м-м...

Вновь сжимаю бедра, и смущение тут ни при чем. Там, внизу, все горит. Нижние губки набухли, им тесно в эластичных, плотно прилегающих к телу трусиках. Бедрa ерзают, добавляя остроты охватившим тело ощущениям. Одна рука продолжает терзать грудь, вторая проникает в трусики. Половые губки горячие, упругие и влажные, нехотя расступились, пропуская внутрь пальцы... Я распахнула глаза и призывно посмотрела на стоящего возле меня мужчину.

И не важно, что в нескольких метрах от меня сидит соседка по комнате и что-то увлеченно читает. Я готова, я хочу большего, чем просто ласки. Это ведь сон, а значит, не страшно, если лишусь девственности здесь...

Глава 1. Шанс на спасение

– Сорокина, опять витаешь в облаках? – донесся до меня голос преподавательницы.

Я встрепенулась, пытаюсь сосредоточиться и выловить что-то более или менее связное из долетавших до моего сознания слов. Чего же от меня хотят и о чем вообще шла речь на лекции? Тщетно. Все мои усилия тонули в омуте ставшего уже привычным за последние полгода вожделения.

– Коли соизволили вспомнить о том, что вы на занятиях, то, может, снизойдете к доске? – не без язвительности поинтересовалась педагог.

Снизойти, это она в прямом смысле слова сказала. Аудитории у нас – горками, и я с некоторых пор сбежала с первого ряда, променяв его на галерку.

Стоит, ждет. Делать нечего, встаю, начинаю спуск по лестнице, а ощущение такое, будто по подиуму иду, кажется, взгляды всего потока сосредоточены только на мне. Да и почему, собственно, кажется? Так оно и есть.

Каждый шаг – сладкая му́ка, в низ живота будто горячий упругий ком поместили и медленно-медленно вращают. От малейшего моего движения он ускоряется, и немало труда стоит сдержаться, не застонать в голос. Не могу сказать, что ощущение неприятное, наоборот, так и тянет поежиться на сладкой истоме, по коже мурашки нет-нет да пробегают,

грудь набухла и, если бы не плотная ткань лифчика, соски топорщились бы, как дула вражеских автоматов. О том, что творится ниже пояса, даже думать стыдно... было – стыдно, этак месяцев пять-шесть назад, но человек такая тварь, которая ко всему привыкает. Вот и я привыкла. Почти.

Дошла. Здравствуй, доска и куча непонятных на первый взгляд иероглифов. Стоило ли вообще позориться? Не проще ли было сразу с места сказать, что не готова? Математический анализ, чтобы ему пусто было! Нет, я не двоечница. В школе даже отличницей была и окончила с медалью. А вот последнее полугодие как-то мимо меня проходит, светит отчисление или от щедрот душевных возможен перевод с бюджета на платное. И это еще полбеды. Платникам общежитие не положено! То есть еще и жилье на что-то снимать надо.

Вот и где мне тех денег-то взять? Родители живут под Псковом, в небольшом поселке совсем не «городского», а, прямо скажем, «деревенского» типа. Мама – медсестра в фельдшерском пункте, отец – учитель в нашей поселковой школе. Лишних денег в нашей семье, как несложно догадаться, отродясь не водилось, есть что поесть и надеть, и то хорошо.

Так, сосредоточься Лера... Ты же щелкала раньше задачки как орешки!

Вроде вникла, что от меня требуется. Честно пытаюсь что-то написать на доске, заведомо знаю, что явную чушь строю. То есть так тоже можно получить правильный результат,

но это чистой воды извращение, а вот коротких решений в голову как-то не приходит. На всякий случай состроила сосредоточенное лицо, вдруг за саму попытку хотя бы «уд» поставят?

– Интересный ход мысли у вас, Сорокина, – раздался из-за спины голос преподавательницы. – Не спорю, такой вариант решения возможен, но занимает о-о-очень много времени. Ну да ладно. Посмотрим, к чему же вас это приведет.

Угу, приведет, как же, вот еще пару формул использую, а потом...

Звук звонка, извещающего о конце занятия, разлился бальзамом на мою истерзанную душу. Народ в аудитории зашевелился, собираясь, а я все еще пишу, в надежде, что у преподши терпение кончится.

– Хватит, Сорокина. Попытка зачтена, хотя легких путей вы не ищите, – молвила женщина, что-то помечая у себя в ноутбуке. – Свободны. Надеюсь, к следующему занятию вы подготовитесь более основательно.

– И? – тихонечко так интересуюсь, пытаюсь через плечо преподавательницы заглянуть в экран ноутбука. – Что?

– Хорошо, – говорит и, заметив мое непонимание, поясняет: – Ну вы же понимаете, что вот это, – она взглядом указала на мои каракули на доске, – на высший бал никак не тянет?

Что тут скажешь? Я лишь кивнула, усиленно пряча рвущуюся наружу счастливую улыбку. Педагог отвернулась и,

вмиг забыв обо мне, погрузилась в недра Интернета. На экране мелькнул до боли знакомый значок одной из соцсетей. Ну что же, ей тоже ни что человеческое не чуждо, в конце концов, перерыв, он ведь не только для нас перерыв. Да и вообще, не знаю, как у нее, а у меня эта лекция последняя на сегодня.

И началось мое восхождение на Эверест. Пока у доски стояла, чувствуя устремленные в мою спину взгляды однокурсников, вроде бы даже отвлеклась немного от сводящего с ума возбуждения, которое, словно проклятие, преследует меня вот уже полгода.

А получила я это самое проклятие по своей же глупости. Дело в том, что моя бабка была... как в народе говорят, – ведьмой. Вот только это за глаза, а в лицо... лебезили, и случись какая беда, занедужит ли кто в семье или скотина захворает, так тут же на поклон к бабке моей и бежали. И все бы ничего, но в те времена, когда я совсем крохой была, привила она меня к яблоньке молодой. Так, оказывается, наличие в человеке силы колдовской проверяют. Срывают яблочко, заговаривают да и передают проверяемому так, чтоб никто иной оно не коснулся. А после того, как тот съест заговоренный плод, смотрят как яблонька себя поведет.

В общем, мое деревце на глазах зачахло, что свидетельствовало о силе немалой. И к тому моменту, как бабке пришло время мир покидать, та меня к себе призвала, ну в общем-то и отдала свою силу в довесок к той, что у меня от

роду имелаась. Как и что она при этом делала, не столь важно, главное – взяла с меня обещание, что, покамест дочь не рожу, к силе чтобы своей не тянулась, иначе наказание последует. А какое? Этого я так и не узнала – отдала бабка богу душу, так и не договорив. Только между делом успела она мне строго-настрого наказать, чтобы я честь девичью блюла до самого вступления в брак.

Но то дела стародавние и с моей нынешней бедой весьма косвенно связанные. Жила я себе, как и все дети, о колдовстве не помышляла, да и вообще ту историю с передачей силы больше как игру вспоминала, думая, что бабуля так меня отвлечь от печальных мыслей хотела. И ведь трудно оспорить такой вариант, годков мне тогда всего ничего было, и слова бабули настолько меня удивили и озадачили, что, вместо того чтобы в истерике возле ее постели биться, я едва ли не ждала – когда ж помрет, чтоб силу ту сказочную обрести. Обрела на свою голову.

Нет, ясное дело, в моих нынешних проблемах бабушка не виновата, сама дура. Иного слова и не подобрать. Ну сказано же было – никакой магии до рождения дочери, так я ж ослушалась! И было бы из-за чего. Ладно бы жизненная необходимость в ее использовании была, так нет же, только глупость моя да глаза завидующие.

А дело было так: еще лет с тринадцати я все засматривалась на сережки у одной дачницы. Из красного золота, в верхней части, на мочке уха, капелька розового турмали-

на, затем красиво плетенная трехсантиметровая цепочка, на конце которой капелька из морганита. Кто бы знал, как я мечтала об этих сережках! Это была любовь с первого взгляда. Я даже во снах их видела на протяжении нескольких лет.

И вот сидим мы как-то осенью с девчонками в общаге, чай пьем, болтаем, и кто-то речь завел о том, что шарлатанов много развелось, мол, экстрасенсы всякие да ведьмы, это выдумка все, чтобы с доверчивых обывателей денег побольше срубить. Зацепили меня эти речи, за бабулю любимую обидно стало. Ну и ляпнула, мол, у меня тоже дар есть, вот только обещалась я его не использовать до поры до времени. Слово за слово, взяли на слабо. Типа один раз поворожи – ничего тебе не станется. Я отказываться стала, а они как надели, якобы вру я все и никакого дара у меня нет.

Памятуя о данном бабушке обещании, я ни в какую не соглашалась, и тут одна из девиц достает точно такие же сережки, как у той дачницы, и говорит:

– Приворожишь ко мне того, о ком я думаю, и эти серьги твоими будут.

Тут-то я и не устояла. Да и как удержаться от соблазна, если твоя мечта так близко? Я же без малого уже лет пять эти серьги по ночам вижу. В общем, капитулировала. Сделала приворот. Все произошло именно так, как бабка мне и говорила: «Когда понадобится что-то сделать, просто пожелай от всего сердца и ни на миг не допускай ни единой мысли о том, что желаемое нереально, помни – все осуществимо.

Почувствуй то, что будешь чувствовать, когда это свершится, и все у тебя получится. Сила наша, она же мудрая, сама во всем разберется как да что, главное, направить ее туда, куда надобно...»

Что ж там чувствовать-то? Не на себя ж ворожу. Вот и представила свою радость и счастье непомерное от обладания этими вот сережками и ликование от того, что они честно заработаны, потому что приворот мой сработал так, как надо.

Стоит ли говорить, что девица та осталась довольна приворотом и даже замуж недавно выскочила? Ну, а я... я стала счастливой обладательницей заветных сережек. И все бы ничего, вот только с того дня начали мне сниться странные сны. Они смущали, сводили с ума. Я постоянно просыпалась то в холодном поту, то горя от неутолимого плотского желания. Но последний бабкин завет соблюдала строго – честь блюла.

Хотя... это как в том анекдоте про девушку, дождавшуюся парня из армии: мол, просто никто не позарился. Так и со мной. Наверное, будь у меня на тот момент фигурка, как у большинства сверстниц, пустилась бы во все тяжкие, но при своих ста семидесяти я и весила почти восемьдесят. Кто на такое огромное счастье позарится, если рядом барби дефилируют? А если и нашелся бы смельчак, так мои же комплексы не дали бы дело до логического конца довести. Так и маялась. Ночей не спала, извелась вся, есть почти перестала. И не потому, что красивой стать мечтала или неожиданно

расшалившееся либидо жаждала успокоить в чьих-то объятиях, а просто-напросто сил ни на что не было, так меня эти сны выматывали.

Вот только с чем именно их появление связано? Непонятно. То ли из-за того, что бабку послушалась, то ли серьги те какие-то неправильные, а может, просто время пришло и организм давал понять, что я в девках засиделась? В любом случае серьги выкинуть или отдать кому-то рука не поднималась, а остальное – лишь предположения, и вокруг никого толкового нет, чтобы совета спросить.

Вон, девчонкам пожаловалась, те лишь поусмехались, говоря, что в личной жизни у меня полный штиль, вот организм во снах и ищет способ удовлетворения вполне естественных физиологических потребностей. Им бы такое удовлетворение! Каждую ночь уже на протяжении ста семидесяти восьми дней я вижу эти трижды проклятые сны! Да-да, я точно знаю, сколько дней минуло, и причина не в том, что я считаю их по календарю, дело в том, что моя память оказалась весьма избирательна – материалы лекций, планы на завтра, разговоры с подругами могут с легкостью забыться, а вот эти события... Ну... то есть пережитое во время моих ночных грез сохраняется от и до. И к каждому сну будто ярлычок приклеен с номером ночи, когда я его увидела.

Благо сегодня лекция по математическому анализу была последней в расписании. К концу занятий я совсем уже извелась, мечтая очутиться где-то в уединении и снять стресс

единственным доступным мне способом. Да-да, именно что единственным! Испытав на себе такие спецэффекты после нарушения данного бабушке обещания, я, несмотря на обретенную ныне вполне сексуальную фигуру, даже не помышляла о том, чтобы переспать с мужчиной. Поэтому оставалось лишь одно – самоудовлетворение. Кто-то сказал бы, мол, позорище! Ага. Их бы на мое место, посмотрела, как заговорили бы.

Но и тут имелись проблемы. В комнате я никогда не бывала одна, кто-то из двух соседок всегда был там. Оставались либо туалет, либо душевая. Когда-то в самом начале, помнится, переборов первое смущение и осознав, что эти видения вовсе не временное явление, попыталась с утра вставать пораньше и снимать напряжение перед занятиями, чтобы не мучиться на протяжении всего учебного дня. Не помогло. В смысле – утром не помогло, а вот днем – да, спасает.

Вот и сейчас, иду по улице, весна, солнце, жизни бы радоваться, а мне не до этого, добраться бы до укромного места. Внутри пожар полыхает, между ног влажно, нижние губки набухли, обрета неимоверную чувствительность. Каждое движение вызывает бурю эмоций, кажется, еще миг – и плюну на то, что люди вокруг...

Как-то раз, немногим более года назад, когда от родителей в Питер возвращалась, я стала свидетельницей странной, но незабываемой сцены. Происходило это возле вокзала, около которого имеется водоколонка: такая широкая труба, выхо-

дящая на поверхность примерно на метровую высоту, от нее в одну сторону отходит изогнутый кран, а в другую торчит рычаг, нажатием на который воду качают.

Так вот, поезд прибывал рано утром, посему, приехав с вечера, всю ночь пришлось прокуковать в зале ожидания, и как только показались первые лучи солнца, я перебралась на лавочку, как раз неподалеку от той самой водоколонки. Собственно, многие к тому моменту выбрались из ставшего уже душным помещения на свежий воздух, и вокруг было довольнолюдно. И вдруг мимо нас, как-то странно сжимая ягодицы, обтянутые коротенькой юбочкой, проходит молодая девушка. Кто-то еще, помню, приглушенным шепотком пошутил, мол, эка прижало девку. Собственно, я тоже была уверена, что та направляется к туалету, который как раз за водоколонкой и располагался. Ан нет. Ошиблась. Не дошла она.

Чутка не дойдя до колонки, девушка со стоном полуприсяла и оперлась рукой на рукоять, коей водичку качают. Тут же еще и вода из крана полилась, и брызги на страдалицу полетели. Помнится, я к соседям по лавочке обернулась, сказав, что, кажется, ей плохо и, наверное, «Скорую» надо бы вызвать. А сидевший рядом мужик продолжал наблюдать за девицей, и вдруг глаза его стали, мягко говоря, круглыми, а челюсть отвисла, и он хрипловато выдавил: «Не поверишь, деточка, но ей сейчас хорошо...» Я растерянно повернулась обратно и... да, в шоке уставилась на устроенное девицей

шоу.

А та тем временем, совершенно не обращая внимания на окружающих, самозабвенно занималась любовью с тем самым рычагом от водоклонки. Помнится, кто-то сочувственно сказал, что, наверное, у нее «бешенство матки», кто-то предположил, что это чья-то злая шутка и ей небось возбудителя подсыпали. Вокруг нее собралась толпа любопытствующих. Девушка же ни на кого не обращала внимания, продолжая с упоением насаживаться на рычаг, она виляла тазом, прогибалась в пояснице, закидывала голову, оглаживала руками обтянутые эластичной водолазкой, будто второй кожей, живот, груди, сжимая пальцами возбужденно торчащие соски, и стонала. А после весьма яркой и эмоциональной разрядки заозиралась по сторонам, будто только сейчас осознала – где она и что делала, покраснела и, прихватив сумочку, убежала подальше от любопытных взглядов.

После случившегося со мной полгода назад я частенько вспоминала ту сцену на вокзале, моля всех богов, чтобы не довелось так опозориться. Даже к гинекологу-эндокринологу ходила и полное обследование прошла, чтобы убедиться, что мои сны – это не побочный эффект того самого бешенства. Врач утешил, что у меня все в порядке, а повышенная возбудимость – это все от воздержания, вот, мол, гормоны порой и шалят. Хотелось ей высказать пару ласковых, насчет этого «порой», но не стала. Здорова, и на том спасибо.

Вот и сейчас припомнилась мне та история, ведь еще

немного и...

Впереди уже виднеется остановка, а напротив нее гипермаркет. Иногда я не выдерживала и отправлялась справлять свою «нужду» там – в туалете. Вот и сейчас, ощущая, что еще немного и сорвусь, осторожно сжимая бедра, стараясь по минимуму шевелить ягодицами, направилась туда.

Как дошла до пункта назначения, и не помню. Под конец пути все уже плыло перед глазами. И вот она заветная кабинка и вожаделенное уединение. Бросив мешающую сумку прямо на пол, расстегнула молнию на джинсах и запустила руку в святая святых. Влажно. Перевозбужденные губки набухли, став упругими. От нахлынувших ощущений едва не закричала. Что было дальше, не помню. В какой-то миг окружающий мир взорвался фейерверками, и я вернулась на грешную землю. Огляделась по сторонам и не смогла сдержать стон – дверца в кабинку не закрыта, а за нею стоит и с любопытством взирает на меня женщина лет пятидесяти в униформе сотрудника гипермаркета.

Бог мой, как же стыдно!

Схватив сумочку, хотела выскочить из туалета, да не тут-то было, моя нежданная зрительница преградила путь. Я шаг в сторону, она туда же. Да что ж это такое-то?!

– Простите, – произношу в очередной раз, пытаюсь миновать преграду, а та стоит – фиг сдвинешь.

– Тебе, деточка, к знающей бабке бы сходить, чего вот маешься? – говорит, а у меня аж челюсть от подобного заявле-

ния отвисает.

– Знающей? – усмехнулась я, памятуя о том, как на протяжении долгих месяцев потратила все свои наличные на попытки найти в этом не таком уж маленьком городе настоящую ведьму.

– А ты не кривись, девонька. Пойдем со мной, я на касе листочек с ручкой возьму. Адресок черкну. Съезди, пообщайся. Коль помочь не сможет, так и скажет, и денег за просто так с тебя не возьмет.

Куда-то идти в обществе свидетельницы моего позора как-то не хотелось, поэтому я быстро выудила из сумки ручку и один из конспектов, перевернула его, и женщина без вопросов на последней страничке написала адрес и имя, прямо как из сказки, – Агрипина.

– Пообещай, что наведаешься к ней, как только найдется время, – заглядывая мне в глаза, произнесла работница гипермаркета.

– Обещаю, – старательно отводя взгляд, вздохнула я и наконец-то смогла беспрепятственно пробраться к раковинам, помыть руки и отправиться восвояси.

Глава 2. Борьба с соблазнами

Три недели до конца сессии пролетели словно один миг, я все ждала, когда же этот кошмар закончится? Дождалась. И в процессе даже умудрилась не вылететь из универа, с горем пополам сдав экзамены. Ну а теперь, преисполненная решимости, притопала на вокзал.

В наши дни кажется дикостью ехать неведомо куда и к кому, предварительно даже не созвонившись. Вот только телефон мне та женщина из гипермаркета не дала. Я периодически заглядывала туда, якобы за покупками, в надежде увидеться и расспросить поподробнее о ведунье, к которой она меня послала, но каждый раз уходила ни с чем. Да и стоило ли верить рекомендациям незнакомого человека? Однако я решилась, уж больно выматывали меня эти проклятые сны. Едва закончились экзамены, я, купив билет на поезд, вместо поездки к родителям отправилась в неведомую деревеньку под Нижним Новгородом.

После той встречи в гипермаркете в душе поселилась надежда, и оттягивать поездку, по понятным причинам, не хотелось. Поэтому выехать решила сразу же, как завершатся экзамены, в пятницу днем. В субботу отправиться не получилось бы, потому что автобус, едущий по маршруту из Нижнего Новгорода до нужной мне деревни, «ходил» один раз в сутки, шесть дней в неделю, и в воскресенье этот рейс не

работал. Выехав в субботу, я на него не попала бы, а денег на такси у меня, увы, не было.

Поезд отправлялся днем, так что я успела там, на вокзале, забежать в туалет и утихомирить якобы «естественные» потребности. Чтобы не было соблазна поспать, билет взяла на сидячее место. Радость еще та – просидеть четырнадцать с половиной часов, но, во-первых, билеты дешевле, а во-вторых, и так радоваться надо, что билеты на скорый поезд имелись. На обычном на четыре часа дольше ехать пришлось бы.

Собственно, выбора у меня особо-то и не было. Выехав раньше, я перво-наперво сошла бы с ума от одолевающего меня желания, а в поезде неизвестно, удастся ли решить данную проблему? Другие же поезда приходили либо за десять часов до отправления нужного мне автобуса, либо оказывались в Нижнем Новгороде уже после его отбытия.

Июнь в этом году выдался на удивление жарким. В разгар дня солнце немилосердно палило, что вкупе с питерской влажностью было пыткой. В вагоне оказалось душно – кондиционеры не работали, большая часть окон не открывалась, да еще и мое место, как выяснилось, находилось на солнечной стороне. Но делать нечего, придется потерпеть. Достав толстенный талмуд с кроссвордами и книжку фэнтезюшку, погрузилась в разгадывание шарад вперемешку с попытками почитать. Вот только сосредоточиться ни на первом, ни на втором никак не удавалось – мысли витали уже там, в неведомой глухой деревеньке.

В моей душе неверие боролось с надеждой, и к этому букету примешивались опасения: вдруг та бабка не такая уж и знающая или же вдруг она не пожелает мне помочь? Кто их, этих ведьмушек, знает. В книгах вон пишут, что они, мол, конкуренцию не переносят. Хотя что нам делить? Где она и где я, да и ведьма из меня пока что никакая. Вернее, скажем прямо, озабоченная.

Еще и соседство досталось мне не самое приятное: здоровенный, страдающий одышкой из-за жары, обрюзглый дядька лет пятидесяти, от которого немилосердно разило потом. Он постоянно елозил на своем месте, вытирая льющийся по лицу и шее пот, при этом каждый раз будто специально норовил задеть меня локтем. Пересесть бы, да некуда – вагон забит под завязку, что и немудрено, ведь кончился учебный год, и студенты разъезжаются по домам, плюс дачники и отпускники, ну и родители, вывозящие своих неугомонных чад к бабушкам и дедушкам. Один плюс – уснуть в таких условиях, несмотря на хроническую усталость, просто-напросто нереально. А ведь я уже проводила эксперимент: если не сплю, то и не мучаюсь на следующий день из-за взбесившегося либидо, но ведь вечно бодрствовать тоже невозможно.

Так и маялась. Ну а поздно вечером, когда поезд остановился на одной из станций, свершилось чудо – сосед сошел на перрон, и я смогла облегченно вздохнуть. Как оказалось, рано радовалась.

Не успела я в полной мере ощутить свалившееся на меня

счастье, как подошла проводница и, сверившись с данными из блокнотика, уточнила:

– Девушка, это место свободно? – указала она взглядом на сиденье рядом со мной.

Ну что тут поделаешь? Пришлось кивнуть, в глубине души надеясь, что новый попутчик или попутчица окажется менее пахучим, шумным и габаритным. И тут появился ОН! Да-да, именно так, большими буквами и никак иначе! Я даже глаза потерла и ущипнула себя, чтобы убедиться, что не сплю. Таки удалось! В смысле – ущипнуть. И да, было больно. Дело в том, что мои сны пусть и не в меру реалистичные как в чувственном, так и психоэмоциональном плане, но в них отсутствует возможность управлять собственным телом, там я просто безмолвный свидетель происходящего, и от моих желаний ничего не зависит. А значит, сейчас я точно не сплю.

И вот сижу, совершенно неприлично повернувшись вполоборота к неожиданному соседу, и откровенно его разглядываю. И вот же парадокс, соседа это ничуть не смущает. Другой на его месте давно бы занервничал, став объектом столь внимательного изучения, а этому хоть бы хны. Мазнул по мне равнодушным взглядом, кивнул в знак приветствия из вежливости, закинул спортивного вида сумку на полочку для багажа и сидит себе как ни в чем не бывало, с таким видом, будто устал от таких вот взглядов.

А посмотреть, стоит сказать, было на что. Не гламур-

ный смазливый юнец или самоуверенный накачанный мачо, а зрелый мужчина лет сорока пяти. Породистое лицо, покрытое легким загаром, твердый взгляд пронзительно синих глаз, присущий редкому типу уверенных в себе мужчин, легкая седина на висках, волосы не по возрасту длинные, собраны в низкий хвост. И да, высокий и хорошо сложенный, что в полной мере удалось оценить, когда он укладывал багаж на полку. В этот момент прямо передо мной находились обтянутые светлыми джинсами ноги, упругие ягодицы, и футболка натянулась, плотно прилегая к крепкому торсу. Не качок, а... в общем, самый смак. Этакая зрелая красота, обладатель коей мог одинаково хорошо смотреться как в джинсах, так и в деловом костюме от ведущих кутюрье. Конечно же, это дело вкуса, но именно для меня по ряду причин это была квинтэссенция тестостерона.

И все это полбеда, мало ли бывает сексуальных мужиков? Да, такие вот образцы нечасто встречаются в реальной жизни, чаще в кино и на обложках журналов типа «Форбс». И именно из-за последней ассоциации так и подмывало спросить, что он забыл в этом затрапезном вагоне, почему не в люксе или не в своей машине с водителем, а то и вовсе не на личном самолете путешествует? Ведь, судя по далеко не дешевым вещам, он отнюдь не беден.

– Простите, что потревожил, – молвил мужчина, и от звуков его низкого, с хрипотцой голоса я ощутила до боли знакомое тепло, разливающееся внизу живота. – Сезон отпус-

ков. В других вагонах не было мест.

– Угу. Ничего страшного, – отвечаю, с ужасом осознавая, что этот придушенный писк, собственно, мой голос.

Главная проблема в этот момент заключалась в том, чтобы не пойти на поводу у гормонов и не накинуться на этого мужчину прямо здесь и сейчас. Теперь я сидела, как можно дальше отодвинувшись от попутчика, чтобы избежать малейшей вероятности физического контакта, и старательно отводя взгляд, словно всматривалась во что-то в крошечной ночной тьме за окном, ведь за пределы аномальной зоны питерских белых ночей мы уже давно выехали. И словно мантру твердила про себя: «Я обещала сохранить девственность... Я еду к ведунье, и она мне поможет...»

А мысли нет-нет да возвращались к соседу. Ну вот надо же такому случиться, а? Почему именно сейчас, когда спасение моей грешной души уже не за горизонтом, рядом со мной оказывается живое воплощение моих снов? А в том, что в тех снах был именно этот мужчина, у меня сомнений не было. Совпадение? Случайность? Но ведь именно сегодня, если бы мне удалось уснуть, была бы ровно двухсотая ночь, наполненная этими кошмарными, сводящими с ума сновидениями! Подозрительно все это.

Мое тело горело и плавилось, я физически ощущала близость мужчины. Вернее, не так. Те несколько десятков сантиметров пространства, которые нас разделяли, разве что не искрились, казалось, сам воздух наэлектризовался, создав

некую аномалию. Не знаю, что ощущал мужчина, смотреть в его сторону было боязно во избежание непоправимых последствий. Я чувствовала себя магнитом, который вроде и тянется навстречу, но отталкивается, ибо полярность сторон не та, но стоит повернуться – и прилипну к соседу так, что ни за что уже не отклеишь.

Кто бы знал, сколько сил мне потребовалось, чтобы удержать свое либидо в руках. Мгновения растянулись в вечность. Я то и дело поглядывала на экран мобильного, считая секунды до прибытия в Нижний Новгород, и молилась, чтобы Бог дал мне сил устоять перед сидящим рядом искушением.

Наверное, если бы в моих снах я просто совокуплялась со столь похожим на моего попутчика мужчиной, сейчас меня не тянуло бы к нему настолько. Ан нет. В моих извращенных снах все было иначе. Именно он руководил мной. Нет, не принуждал, а руководил, а у меня почему-то не было никаких сил проявить настойчивость и сделать что-то, противоречащее его желаниям. А он... он всегда был зрителем. Ну и кукловодом. А я его послушной марионеткой.

Самое мерзкое заключалось в том, что первоначальное смущение давно ушло, и я в моих ночных грезах всей душой и телом жаждала ощутить его прикосновения, отдаться ему целиком и полностью. Но нет, он всегда либо сидел рядом, либо стоял и наблюдал, не сводя с меня взгляда своих пронзительно синих глаз, и тем самым низким, хрипловатым го-

лосом направлял мои действия. Да и не только мои. Во снах со временем начали появляться и другие действующие лица. Они также послушно исполняли волю кукловода. Ласкали друг друга, упоенно занимались сексом, а я... я была вынуждена смотреть либо принимать их ласки, но секса ни с кем не было! Наверное, именно поэтому и сходила потом с ума от вождения.

И сейчас, как назло, все эти воспоминания, сцены и былые переживания накатывали на меня жаркой волной. Я гнала прочь эти мысли, вновь и вновь повторяя свою мантру: «Я обещала сохранить девственность... Я еду к ведунье, и она мне поможет...»

Наконец-то часы приблизились к заветным пяти тридцати, а за окном в начинающих расступаться сумерках за сверкали фонари на городских улицах и немногочисленные огоньки в окошках домов. К этому моменту в голове была полная каша, и с трудом удавалось решить: что мне надо делать и куда идти? Но все же, собрав остатки силы воли, я собрала свои вещи и, быстрой тенью метнувшись прочь, выскочила из вагона.

Утренняя прохлада подействовала отрезвляюще. Нет, навждение не покинуло меня в полной мере, но одно стало очевидно: мне срочно требуется укромное место, иначе я повторю подвиг той девицы и накинусь на первый одушевленный или неодушевленный предмет, годный для использования по «назначению», и не важно, если оное не предусмот-

рено изначально в теххарактеристиках.

Туалет нашелся быстро. И слава богу, это была не общая женская комнатка с дырками в полу, а вполне приличный сортир – с унитазами и отдельными кабинками. Сгорая от желания, я даже не стала снимать сумку с плеча, просто привалилась спиной к стене и запустила руку в трусики. О, боги! Как же сладко... Сегодняшнее удовлетворение «естественных» потребностей больше напоминало самоистязание. Перед моим мысленным взором стоял незнакомец из вагона и – да, наблюдал! Это заводило еще больше. Одной рукой я неистово терзала клитор, вторая же тем временем до боли сжимала то одну, то другую грудь, закушенная до боли губа в какой-то момент оказалась прокушена и рот наполнился сладковато-солонюватым привкусом крови. А потом... потом было нечто несравнимое ни с чем испытанным мною прежде. И тут же пришла пугливая мысль: «Сколько времени прошло? Я же на автобус опоздаю!»

Наскоро справив уже более естественные потребности, вымыла руки и помчалась на поиски автовокзала. Время действительно поджимало, ведь до него еще надо было добраться.

Глава 3. Сделка с... ведьмой

Опасаясь опоздать на автобус, я как ошпаренная выскочила из здания вокзала и заметалась в поисках хоть какого-нибудь транспорта, на котором можно было добраться до автостанции. Уже почти рассвело, видимость прекрасная, но поблизости не было ни одной маршрутки, автобуса или такси, лишь в сторонке одиноко стояла какая-то иномарка.

Взгляд на экран мобильного заставил запаниковать – до отправки нужного мне автобуса осталось чуть меньше сорока минут! А потом... потом... если потрачусь на такси аж до деревни, которая ни много ни мало в пятидесяти километрах от Нижнего Новгорода, то наличности совсем не останется, и так-то вопрос: чем мне с бабкой расплатиться, если та согласится и сумеет помочь справиться с моей бедой?

В этот момент иномарка тронулась и неспешно начала выруливать с привокзальной площади. Я и сама не успела понять, как мои ноги, игнорируя призывы разума, бросились наперерез машине. Скрип тормозных колодок, легкий толчок – и я распласталась на капоте... встретившись с взглядом пронзительно синих глаз пассажира.

– Ты что творишь! – заорал выскочивший из авто водитель. – Самой жить надоело, о других подумай! У меня жена и трое детей! Кто их кормить будет, если меня из-за тебя посадят?!

Ответить я не могла. Все мое внимание было приковано к сидящему в салоне мужчине, во взгляде которого мне почудилась... досада? Хм... странно даже. Тогда, в поезде, в первое мгновение мне показалось, что в его глазах промелькнуло узнавание, но оно тут же скрылось за маской равнодушия. И вот сейчас он вновь смотрит с безразличием, как на досадную помеху. Хотя почему как? Так ведь и есть. Ехал себе человек, так нет же, всякие взбалмошные девицы под колеса бросаются.

Водитель тем временем продолжал сотрясать воздух криками, пытаясь увещевать такую нехорошую меня, чтобы слезла с капота. А я, словно во сне, наблюдала, как синеглазый неспешно открывает свою дверь, выходит на тротуар.

– Она со мной, – со вздохом произносит он, а у меня от этих слов аж внутри все оборвалось: «Как с ним? Куда? Зачем?»

Водитель вмиг притих. А я что? Я ничего. Слезла, так и быть, с капота, не очень-то и удобно на нем сидеть. Синеглазый кивнул, чтобы забиралась в машину. И вновь дежавю. Нет, во снах я неизменно оказывалась в той обстановке, в которой перед этим засыпала, и никаких машин там ни разу не видела, но сам факт слепого подчинения... Это раздражает, но ничего не поделаешь, безропотное послушание вбито в меня за последние семь месяцев почти на уровне рефлексов.

– Тебе куда? – стоило мне забраться на заднее сиденье, поинтересовалось воплощение моих ночных кошмаров.

– На автовокзал, – с облегчением говорю.

– Слышал? – обратился он к успевшему занять свое место водителю, тот лишь кивнул в ответ, и вскоре мы уже неслись по утренним улицам незнакомого города.

До места назначения донеслись лихо, с ветерком, благо повезло – практически все светофоры, попадавшиеся нам на пути, были зелеными. Машина остановилась возле двухэтажного желтого здания.

– Приехали, – пробасил водитель.

– Сколько я вам должна? – пискнула я.

– Нисколько, – впервые за время общения ухмыльнулся синеглазый. – Катись уже, неправильный колобок...

От этих слов мои щеки вспыхнули, и я стрелой вылетела из машины, по-спринтерски припустив к зданию автовокзала. Влетев внутрь, привалилась спиной к двери, пытаюсь отдышаться и утихомирить бьющееся где-то в области шеи сердце.

– Неправильный колобок, – шепотом повторила я и едва не застонала в голос.

Именно так с самого начала называл меня кукловод из снов. Но тогда это было в некоторой мере оправданно, если вспомнить мою фигуру, а позднее это прозвище стало моим вторым именем. Но сейчас! Сейчас, глядя на вполне стройную девушку, назвать ее колобком? Как такое возможно? Или... Может, все же совпадение? Колобок от всех уходил, а я вот сама едва ли не под колеса бросаюсь...

— ...через пять минут, — ворвался в сознание голос диктора, раздающийся из динамиков. — Повторяю, рейс Нижний Новгород...

— Ох! — спохватилась я и бросилась к билетным кассам.

Успела. И билет взяла, и место заняла не согласно номеру, а первое приглянувшееся, благо желающих ехать в столь глухую деревеньку оказалось немного: включая меня — четверо. Вернее, не так, до нужной мне деревни вообще никакой общественный транспорт не ходил, до нее еще предстояло топать и топать на своих двоих около трех с лишним километров.

Корыто, на котором предстояло ехать, вызывало опасения: не развалится ли по пути? В марках не разбираюсь, но этому чуду автопрома, наверное, не менее полувека: рыженький, кругленький, и да — жутко вонючий! Благо хоть окошки открываются, иначе задохнулась бы.

Вскоре автобус тронулся. Я глазела в окошко на проплывающие мимо улочки, на редких пешеходов и собачников, выгуливающих в скверах своих любимцев. Затем мимо замелькали промзоны, и начались ничем не примечательные поля. Потеряв интерес к мелькающим за окном пейзажам, вновь погрузилась в пучину обуревающих меня противоречивых чувств: надежда, страх, и да, раздражение из-за встречи с синеглазым. Чует мое сердце, неспроста мы с ним столкнулись именно сейчас.

Ехали около часа. Почти все попутчики успели выйти еще

на полпути. Остался лишь один плюгавенький мужичонка с по-стариковски кустистыми бровями и недельной небритостью и ершиком упрямо топорщащихся волос, по которым давно плакала парикмахерская.

Асфальтовая дорога кончилась, сменившись грунтовой. На колдобинах невыносимо трясло, и под конец пути к горлу подкатил комок, а в голове начало неприятно шуметь, казалось, еще немного и меня вывернет. Но обошлось. За окном в очередной раз замелькали сады, в открытое окно ворвались запахи сена и навоза и брех собак. Автобус резко вырулил к остановке и, дернувшись, остановился.

– Конечная! – крикнул водитель и первым вывалился на улицу, тут же закулив.

Прихватив сумку, выбралась на свежий воздух. Огляделась. Деревня как деревня, ничего примечательного. Достала мобильный, собираясь сориентироваться по карте – куда идти, и едва не застонала: «сеть недоступна, только экстренные вызовы» – гласила табличка на экране. Вот и куда ж мне теперь топать? Ну понятно, что не в обратном направлении, но, насколько я помню, от этой деревни расходятся в стороны пять дорог, и, как назло, я не запомнила, какая из оставшихся четырех ведет туда, куда нужно.

– Извините! – Я быстренько догнала того плюгавенького мужичка, что ехал со мной в автобусе. Тот зыркнул на меня исподлобья, даже не думая останавливаться. – Мне деревня нужна Вороховка, не подскажете, как до нее дойти? – обо-

гнав его, спросила я.

— К Агриппине, что ль, намылилась? — оценивающе окинув меня взглядом, наконец-то соизволил притормозить мужик.

— Д-да, — опешила я от подобной пронизательности. — А вы откуда знаете?

— Что там знать-то? — хмыкнул мужик. — В той деревне только мы с ней и живем. Не ко мне ж ты в гости, значит, к соседке. Ну пошли что ли. По пути нам.

Как выяснилось, три с лишним километра, что я по карте в Интернете намерила, — это по прямой, на самом же деле дорога вела в обход вокруг болота, петляла по лесу, а затем еще и озерцо небольшое огибала. Ноги уже подгибаются, что и немудрено — сутки без отдыха ношусь как заведенная. В поезде сидела, конечно. Но это ж разве отдых? Сначала тот толстяк все пнуть локтем норовил, а потом синеглазый своим присутствием смущал. Но зато какой тут воздух! Свежий, пахнувший разнотравьем. Хочется вдыхать его полной грудью, все больше наполняя легкие. До боли в ребрах, до головокружения...

— Ты это... не переусердствуй, — заметив мое состояние, буркнул большую часть дороги помалкивавший мужичок. — Для городских это полезно, если меру знать, а коль не ведать границ, так и плохо сделаться может. Агриппина, конечно, выходит. Но тащить тебя мне недосуг.

Вот что за жизнь? В кои-то веки начинаешь чему-то радоваться, и тут же кто-то спускает тебя с небес на грешную

землю. Не успела я толком погоревать о несправедливости судьбы, как возле дороги показался столбик с табличкой, на которой было написано название нужного мне населенного пункта. За ним потянулись заросшие сорняком сады, остовы заброшенных домов с покосившимися крышами. Деревня оказалась немаленькой, но жилых домов тут практически не было. Даже странно, как это дачники сюда не добрались? Ведь, насколько я заметила в просветах между руинами, основная улица тянулась вдоль озера. Кто ж от такой благодати откажется? Да, каждый выходной в такую даль своим ходом ездить не будешь, но иногда вырваться можно. Что тут до города-то? Это я на перекладных, а если на собственном транспорте, так это ж милое дело в этих девственных местах отдыхать.

Тем временем мы дошли до поразительно добротного домины.

– Ну вот я и пришел, – буркнул мужичок. – А ты дальше иди. Агрипин дом мимо не пройдешь, заметишь, – добавил он и, не прощаясь, занырнул в приоткрытую калитку.

Иду. Вокруг все тоже запустение и разруха. На душе от созерцания таких пейзажей грустно и тягостно. Навевает ассоциации то с черновыльскай зоной, то со страшилками всякими, коими Голливуд зрителей балует. И приходит пугающая мысль: а вот сколько той Агрипине годков-то? Вдруг совсем уж старая да немощная. Или того хуже – преставилась уже, пока я к ней ехать собиралась. Вот приду, и нет ее, или

ждет меня в доме давно разложившийся труп.

От таких нездоровых фантазий аж передернуло меня. Вот и чего пакость всякая в голову лезет? Денек вроде погожий, природа кругом, воздух ароматами трав напоен, а то что дома вокруг полуразрушены, так что в этом странного? Бывает. А то что справа кладбище уже минуты три тянется, так это тоже неудивительно, это сейчас деревня заброшена, а когда-то, судя по количеству домов, была большой.

Что-то длинновата деревенька оказалась. Иду, и конца края ей нету. Уж и мысль шальная мелькнула: не кругами ли хожу? Хотя, нет. Дорога, куда ни глянь, ровно вдаль убегает, и мы ж с тем мужиком как вошли, так ни разу и не поворачивали никуда.

И вдруг... я аж запнулась, углядев то, что предстало моему взору. Вот уж прав мой проводник был, мимо такого дома точно не пройдешь. Не хочешь, а заметишь.

А стояла передо мной избушка из сказки. И сказка эта вряд ли добрая. Нет, курьих ножек не было, обычный по местным меркам домик. Небольшой по периметру, основательно осевший почти по окна, но крыша целехонькая, да и чердак, судя по всему, высокий. Напугало иное: сам дом обвешан пучками непонятных трав, а в качестве забора используется частокол и на верхушке каждого колышка – по черепу. Хорошо хоть не человеческому. Козьи, свиные, коровьи, собачьи, чьи-то еще. Ну и да, промеж всего этого некромантского счастья еще и веники из каких-то трав.

– Жутковато... – пробормотала я, подумывая: не пора ли мне обратно?

– Мяу, – раздалось откуда-то снизу, и моих ног коснулось нечто мягкое и пушистое.

Никогда кошек не боялась, ну тут невольно вскрикнула, отскочив в сторону забора.

– Мяс? – вылупила на меня свои зеленые зенки сидящая напротив меня кошка: пушистая, черная, и да – невероятно красивая.

– Напугала ты меня, – смущенно улыбнулась я зверухе, мысленно отметив, что по мне психушка плачет – с кошкой разговариваю!

– Кха-а-ар-р-р... – раздалось хрипловатое в ответ из-за ограды.

Я опять шарахнулась прочь. На этот раз еще и перекрестилась, хотя прежде за собой излишней набожности не замечала. И тут заметила, что во дворе стоит скамейка упрощенной конструкции: спинка – одна доска, сиденье – две, вместо ножек несколько чурбачков, а спинка парой жердин придерживается. Ну и на этом чуде огородно-садового дизайна восседает ворон. Здоровенный, откормленный и местами уже седой от старости.

Вот это антураж! С ума сойти можно! У моей-то бабушки дом как у всех был, ничем от соседей не отличался, а тут такое! Хочешь не хочешь, проникнешься значимостью момента и поверишь в то, что хозяйка не обычный человек, а

нечто большее.

– А вот и мой подарочек пожаловал, – раздался скрипучий старческий голос, обладательницы которого, я сколько ни присматривалась, нигде не видела. – Заходи красавица, не дело через забор разговоры вести.

Страшно, но иду. В конце концов – вдруг и вправду поможет?

– Эка тебе бабка родная беду подсупонила. Эх, дурная ее голова... И теперь ведь мается, покоя найти не может... – скрипела старуха.

Что она там про мою бабку говорит?

В раздумьях вваливаюсь во двор и вижу в низеньких дверях щуплую старушку неопределенной степени дряхлости. Бог знает, сколько ж лет человеку должно быть, чтобы он ожившую мумию напоминал? Росточком, дай бог, мне по грудь, сухонькая настолько, что свободное платьишко будто на вешалке болтается, а не на живом человеке надето. Лицо – сплошная каша из глубоких морщин, среди которых даже глаза и губы теряются. А вот седые волосы густые, волнистые, с тяжелыми крупными спиральками на концах. Красота!

– Здравствуйте, – говорю. – Мне к вам обратиться порекомендовали...

– Ты в дом-то заходи, рекомендованная моя... – ощерилась в редкозубой ухмылке старуха.

У меня аж мурашки по коже пробежали при виде этого

«милого» оскала, так и подмывало сказать: «Может, я тут постою?» – но бабка уже внутри избушки скрылась, прежде дверь гостеприимно распахнув.

Прихожая, где только и поместились сменные бабкины ка-лоши да лавка с парой ведер воды. Дальше проходная кухня: небольшой дореволюционный холодильник с ручкой, как на древних «Москвичках», плита на две конфорки с газовым баллоном, кухонный столик, возле дальней стены русская печь-лежанка, с двух сторон от которой по двери. В одном из углов иконы, ладанка и свечи.

Пыльно, в затхлом воздухе четко ощущается смрад старости. Этаким букет пота и еще каких-то запахов, свойственных о-о-очень пожилым людям, и даже вездесущие пучки трав не смогли перебить это амбре. Ох-хо-хо... вряд ли она мне за сегодня все успеет сделать, да я и сама вот-вот упаду от усталости. А в деревне жилых домов, считай, нет. Выходит, придется ночевать тут! Прямо напротив кладбища, окруженной забором с черепами, рядом с древним вороном, черной кошкой и самой настоящей ведьмой. Ужас!..

– Ты присаживайся, – проскрипела хозяйка. – Сейчас чайку тебе налью успокаивающего, через полчаса заснешь как убитая, – говорит, а меня такая перспектива совсем не радует. Не факт, что «как» убитая, да и сны мне такие снятся, что лучше вовсе не спать. – Да поесть соберу, – продолжала приговаривать она, шустро не по-возрасту суетясь возле плиты. – Гости у меня нечасто, ты уж прости, разносолов не

водится.

Передо мной уже стояла миска с квашеной капустой, тарелка с солеными огурцами, блюдо с нарезанным кусочками салом, какие-то лепешки.

– А с чего вы взяли, что моя беда как-то с бабушкой связана? – не удержалась я.

– Потому как, деточка, сила наша по женской линии через поколение переходит. И от тебя к внучке перейдет.

– У вас тоже внучка есть? – ляпнула я.

– Могла бы быть, – горько вздохнула старуха и пуще прежнего ссутулилась. – Да вот только не уберегла я дочку, а без нее откуда внучке-то взяться? Будешь моей внучкой? – как-то неожиданно очутившись возле меня и заглядывая в глаза интересуется.

– Это как? – опешила я.

– А так, – она махнула рукой и вновь припустила к плите, где что-то бурлило в кастрюльке. – Я тебе помогу, ты мне, и мы в расчете. Ну и наследство все мое тебе останется.

Какое у нее может быть наследство? А судя по тому, как она выделила слово «все», оно имеется и немалое. И тут навалилась усталость: внучкой так внучкой, хоть кем, лишь бы избавили уже меня от этих проклятых снов.

– Согласна, – говорю.

– Вот и чудненько, – запричитала бабка. – Вот и ладненько, внученька. Вот погостишь у меня месяцок-другой, решим твою проблему, а там уж и с наследством разбираться

будешь.

Э-э-э... это вот о чем она сейчас? Ну бог с ним, пару месяцев я погощу, коль так надо, но почему наследство-то сразу? Она что, помирать собралась?

Тут перед моим носом очутилась тарелка с отварной картошкой. Желудок радостно взвыл, совершив невероятный кульбит, едва не выскочил из горла и заставил схватиться за вилку. А потом был странный травяной чай, и да – я заснула, впервые за неполных семь месяцев я просто спала – не мучаясь от кошмаров.

Глава 4. Знание – сила

Проснулась спустя почти сутки – на рассвете. Как-то непривычно даже – никакого неуголимого плотского желания не ощущаю. Лежу и наслаждаюсь окутавшей тело и разум легкостью. Сказка! Солнышко в окошко светит, где-то птички поют. Жизнь прекрасна! Кто не страдал на протяжении более чем полугода хроническим недосыпанием, тот не поймет, какое это блаженство! За одно это я готова горы свернуть для этой бабульки. Может, она просто-напросто снабдит меня необходимыми травками для чудодейственного чайка?

Настроение настолько повысилось, что царящие в помещении запахи уже не казались столь раздражающими. Спала я в одной из комнатушек, на брошенном прямо на пол матрасе. Как еще вчера выяснилось, в доме только одна кровать, остальные, оставшиеся со старых времен, давным-давно переташены на чердак.

Я поднялась, с наслаждением потянулась и оглядела хозяйскую спальню: шкаф, комод, железная кровать и столик со стулом возле окна. Ну и, конечно же, все это в паутине и пыли. Глядя на них, руки аж зачесались добраться до веника и тряпки. Очень уж хотелось хоть чем-то отблагодарить старушку.

Вышла из спаленки, оглядела «светлицу»: все по местам

разложено, но повсюду пыль и паутина по углам, окна тоже грязные. На столе тарелка, тряпичной салфеткой накрытая, и рядом лист бумаги. Подхожу – записка.

«Пошла за травами. Попей чаю с пирогами, отдохни. Приду поговорим».

Подписи нет, но и так ясно, кто автор послания. Ну пироги, так пироги. Чайник оказался еще горячим, видать, не так давно Агрипина ушла. Благ цивилизации тут не так и много, спасибо хоть электричество есть. Отопление печное, вода из колодца, газ в баллоне. Раковина имеется, но конструкция крана такая, каких я, даже в деревне живя, всего пару раз видела: этакий полый цилиндр с крышечкой, внизу отверстие, из которого штырек торчит – давишь на него, он приподнимается, и вода течет. Неудобно. То ли дело у моих родителей – здоровенная на полтора ведра емкость с краником и автоподогревом.

Вот только свежего воздуха катастрофически не хватает. Попыталась открыть окно. Хм... Не мудрено, что тут дышать нечем – первая рама, видимо зимняя, не открывается, а только вынимается, что я и сделала на всех окнах. Выходящие на улицу рамы двустворчатые, без форточек, но хотя бы открываются. Вот чаю попью, найду ведро, тряпку и окна вымою. Хотя нет, сначала надо пыль и паутину смести, да с полами разобраться, иначе вся эта пакость обратно на окна осядет.

Наскоро умылась. Налила в одну из кружек чай. Сижую, жизни радуюсь, вспоминая тот неловкий случай в гипермар-

кете. Видимо, правду говорят: нет худа без добра. Не спалила бы меня та тетка в туалете, и не знала бы я ничегошеньки про Агрипину. А теперь у меня нет и доли сомнения, что она поможет. Вот только реченьки о наследстве неприятный осадок в душе оставили.

Пирожки оказались с земляникой. Вкусню-ю-ющие-е-е... Я бы все слопала, но неудобно стало старушку объедать. И так свалилась ей на голову, даже о продуктах заранее не подумав, а магазинов-то поблизости нет. Интересно, откуда она все берет? Неужто сама в столь почтенном возрасте до ближайшей «живой» деревни ходит?

Веник, ведро и тряпки нашлись в прихожей. Дело спорилось, что и неудивительно, ведь так хорошо я себя о-о-очень давно не чувствовала. Надеюсь, так теперь и будет впредь.

– Ты ж моя хозяйushка, – слышалось от дверей, а я от неожиданности аж подпрыгнула, едва ведро с водой не перевернув. – Умаялась, поди? А я, пока травы искала, земляники чутка насобирала. Возьми вот, покушай. Вам молодым от нее польза большая.

И на столе очутился небольшой алюминиевый... некогда, видимо, ковшик, ныне потерявший ручку, доверху наполненный спелыми ароматными ягодами.

Ну что сказать? Устоять перед таким соблазном я не в силах. Землянику с детства обожаю. Налетела на ягоды, как воронье голодное на свежий посев. А Агрипина молча села на лавку, локотки на стол поставила, сухонькими ручками

голову подперла и наблюдает за мной с улыбкой.

– Полегчало? – спрашивает.

– Ой, бабушка, не то слово! Уж и забыла, как это – чувствовать себя нормальным человеком, – улыбнулась я.

– Вчера возле ворот глянула на тебя и поняла: без передышки долго не протянешь, – говорит, а у меня от этих слов аж очередная ягода попрек горла встала.

– Как без передышки? – откашлявшись, переспросила я.

– А ты думала так все просто? Чаек хлебай и горя не знай? Нет, девонька, он раз-другой поможет, и все, – вздохнула бабка. – Ты не первая, кто на это попался, думаю, и не последняя. Кто-то ворожкой до срока побаловал, кто-то честь не уберег. А расплата всем одна.

– Что же делать?

– Расскажу, все расскажу. Тяжко будет и небыстро, но зато вновь человеком сделаешься, – молвила старуха и задумалась о чем-то.

Сижу, помалкиваю, а сама вспоминаю все, что мне бабушка перед смертью сказать успела. А, собственно, ничего, кроме того чтоб до брака честь блюла да до рождения дочери ворожить не пыталась.

– А если я по-быстрому дочь рожу, поможет?

– Не родишь, – отмахнулась Агрипина.

– Почему это?

– Потому что честь не убережешь. Это намного хуже, нежели ворожба преждевременная, – говорит, а я вот ниче-

гошеньки не понимаю.

– В смысле? Вы же сами сказали – наказание всем едино.

– Едино, но от этого наказания не всякий избавиться сможет. Если девственность потеряешь до срока, то либо совсем родить не сможешь, либо только мальчика. Да и не протянешь ты долго в этом случае – сгоришь от желания. Ибо сильнее оно станет в разы.

«Куда уж сильнее-то?!» – вылупилась я, но это все мысли, а голова работает, ищет иные способы решения проблемы.

– Э-эм... Ну, а если по-быстренькому замуж выскочу? – говорю, прикидывая, как бы это на практике осуществить?

– Экая ты шустрая. По-быстрому захотела. Ныне век не тот. Легко ль мужчину в храм привести, к телу до того не допустив?

– В храм? – вылупилась я на старуху, вспоминая: говорила ль моя бабушка о венчании в церкви?

– А ты как думала – кляксу в паспорт поставишь и готово? Нет! Вам пред ликом господним мужем и женой стать надобно. И еще один момент – в церкви теперь венчают только *после* заключения брака в ЗАГСе. Как думаешь, дождет-ся муженек? Сложно им это понять, ведь жена есть, а секса нет, – говорит, а меня аж коробит от подобных речей из уст древней старухи.

– Как все сложно...

– Кто бы спорил. – Агрипина беспомощно развела в стороны сухонькие ручки. – Потому-то нас, истинных, и мало.

Вырождаемся, – вздохнула она.

У меня все внутри аж опустилось от таких новостей. Так ведь и не выйдешь никогда замуж. Где ж такого индивида понимающего и терпеливого найти? Ох и удружила мне бабуля...

– На бабушку почему зря не гневись, – угадала мои мысли хозяйка. – От принятия ее силы ничего не изменилось. У тебя своя от роду уже имелась. Так что, каплей меньше, каплей больше...

– Угу, – буркнула я, и все равно в голове мелькнула мысль: «Вот же, послал бог родственничков!» – Так и что же мне теперь делать?

– Потерпи, все узнаешь. Скажи только, ты во снах уже того... или еще девица?

– Не того, – смущенно отвечаю, заливаясь краской.

Одно дело, когда ты это наедине с собой переживаешь, и другое – вот так подноготную перед посторонними раскрывать. Я даже подругам тогда сказала просто, что сны эротические, и никаких подробностей не рассказывала. Агрипина же, как ни крути, малознакомый человек. Ну и возраст ее смущает – да.

– А как тем, что честь потерял, от проклятия избавляться? – интересуюсь, понимая, что на мой вопрос ответа прямо сейчас не дожусь.

– Неужто обманула ты меня, и ты уже... – вскинулась старуха, сверля меня взглядом серовато-прозрачных, будто вы-

цветших глаз.

– Нет-нет, – помотала я головой. – Вот появится у меня внучка, должна же я ей объяснить, что да как. Какие опасности подстерегают и что делать, коль... Ну всякое бывает. Насильники, например.

– А-а-а... – протянула явно успокоенная этими словами Агрипина. – Тогда надобно сначала сделать то же, что и ворожеям, но о том позже расскажу. Но это полдела. Еще придется разыскать наяву того, кто во снах являлся, да оженить на себе. От такого союза обязательно девка родится. Вот тогда проклятие и снимется. Но легко ль это – найти одного-единственного человека? Да еще чтобы полюбилась... – на этом бабка только рукой махнула, и опять умолкла, погрузившись в свои мысли.

– Черт-те что... – пробурчала я.

Посидела еще немного, наблюдая за хозяйкой, но та даже и не думала о продолжении разговора. Ну что поделать? Только ждать. Обещала, что расскажет, значит, наверное, не время еще или слов подходящих не находит?

Смысл у человека над душой сидеть? Прихватила ведро с грязной водой, вышла во двор. Вот, кажется, ничего же не изменилось вокруг? Ан нет. Теперь и солнышко не так ласково греет, и птичий гомон раздражает. И черепа на заборе, и кресты, что через дорогу стоят, теперь зловеще смотрятся. Да что уж там? Руки опускаются от мысли, что, возможно, не удастся избавиться от одолевающего меня проклятия. И

сегодняшнее состояние не более чем передышка. За что все это на мою голову свалилось?

— Да не печалься ты так, — донеслось из-за окна. — Чует мое сердце — справишься ты.

Нечего сказать — утешила. Сердце ее чует, а мое вот помалкивает что-то.

Села я на лавку. Пригорюнилась. Всплакнула даже о своей доле невеселой. Ночка прибежала (так, оказывается, встреченную мною накануне кошку звали). Ластится, будто утешить пытается, чувствуя мое состояние.

Бабка до обеда меня не трогала. Чем-то бряцала в доме, но на улицу не выходила. И лишь спустя эн-ное количество часов высунулась в окошко:

— Иди есть. Заодно поведаешь, как вышло, что ты завета посмертного послушалась.

Ну и рассказала я ей все. О том, как бабуля умирала, что я малой тогда была и всерьез те слова не восприняла. О глупости той, когда за цацку повелась на слабо и приворот сотворила. Ну и о снах в общих чертах. Не забыла упомянуть и о давешней встрече с мужчиной из видений.

— Двухсотая ночь, говоришь? Плохо дело, — покачала головой Агрипина. — Долго ж ты помощи искала. Теперь труднее будет. Тут парой месяцев не обойтись будет.

Я чуть не взвыла, представив, что мне еще мучиться и мучиться.

И поведала она о методах избавления от проклятия. Вот

только я, услышав о них, подумала, что проще сразу в петлю – и не мучиться.

А суть заключалась в следующем: нужно научиться управлять снами и сделать так, чтобы «кукловод» не сдержался и стал моим первым мужчиной – там, во сне. То, что мне придется и дальше терпеть все эти изматывающие видения, не радовало. Да и сроки, в пару месяцев при удачном раскладе, не впечатляют.

– Легко сказать – управлять! Как? – не выдерживаю. – Я ж там безропотный исполнитель, даже голоса ни разу не подала, сколько помню.

– Для начала вспомнишь ВСЕ свои сны. Проанализируешь мельчайшие подробности. Подметь, когда наблюдавший проявлял эмоции: в глазах зажигался намек на страсть, подавался навстречу хоть на миллиметр. Что в это мгновение происходило? Ты как-то особенно реагировала на что-то? Какова была зацепившая его реакция? Вздох, смущение, сбившееся дыхание, подкатившиеся глаза, стон, крик... Это твое оружие против его стойкости.

– Но почему...

– Потому что так надо, – оборвала мой вопрос на полуслове Агрипина. – Не мы те заповеди посмертные придумывали и кары за неисполнение назначали, не нам и методы избавления менять.

– Я не о том. Его же это не возбуждает. Но он все равно продолжает мучить меня во снах. Зачем? Исходя из ваших

слов, он осознанно провоцирует эти сны.

– Он перехватил твое первое видение и потом всего лишь управлял. Даже если он исчезнет, сны все равно останутся. А причина... причина проста – в его роду были суккубы.

– Что?! То есть он на самом деле озабоченный самец? Э-э-э... Нет, не понимаю. Он же не участвует? И если я... настолько нежеланна, то... какой смысл постоянно присутствовать?

– О-о-ох уж это телевидение! Не те суккубы, коих ныне в фильмах показывают, – отмахнулась старуха. – Видела я как-то, посмеялась даже. Они обычные люди, ведьмаки, но им жизненно необходимы не простые эмоции, а именно сжигающая все на своем пути страсть, вожделение. Прощтрафившаяся ведьма – идеальный донор. Вам обоим повезло, что он вовремя оказался поблизости.

– Повезло, что он присосался ко мне, как пиявка?!

Агрипина на это заявление лишь глаза подкатила.

– Если бы он не сдерживал, ты занималась бы сексом во снах? – спрашивает и внимательно вглядывается в мое лицо, словно считывая мысли и эмоции. Врать смысла нет – киваю. Она удовлетворенно хмыкает и продолжает: – Этого ведь достаточно, чтобы стать нечестивой, а проклятие сделать неснимаемым. Да и не живут с ним долго. Перегорают. Потому он тебя и бережет.

– Эм... Ладно. Пусть так. Но почему сам не участвует?

– Ему нужна энергия, а не секс. Ты изнемогаешь от жела-

ния во снах и какое-то время после. Так? Его это и подпи-
тывает.

– Как-то цинично, – меня аж передернуло.

– Он всего лишь хочет жить. Кому-то для этого достаточ-
но еды, воды и воздуха. Он на такой диете умрет.

– Да и черт с ним, – фыркнула я. – Благодарить его теперь,
что ли? Что еще надо делать, чтобы избавиться от прокля-
тия?

– Надо выловить те мгновения, когда тебе хоть на самую
малость удавалось повлиять на свое поведение – там, во сне.
Может, ты покраснела? Прикусила губу? Не та ты, которая из
сна, а ты – реальная. Это позволит нащупать тонкую связую-
щую нить между реальностью и видением. Когда научишься
контролировать себя, будешь проверять, что из твоих пред-
положений верно и заставляет его реагировать. Придет вре-
мя, и ты используешь все это. Надеюсь, успешно. Пугает ме-
ня лишь то, что вы уже встретились в жизни. Ты иди, вну-
ченька, на озеро, – неожиданно сменила тему она. – Погода
нынче хорошая. Поплавай, позагорай. Подумай...

Ну я и пошла. Пусть купальника у меня с собой и не было,
но и зрителей здесь тоже нет. А поплавать я люблю, и да –
подумать тоже не мешало бы, а то в голове каша.

Глава 5. Первый анализ снов

Все тело пробивает нервная дрожь. Кажется, все это сон. Прекрасный, но кратковременный, и нет наяву никакой заброшенной деревеньки и мудрой бабки Агрипины, вот сейчас проснусь и вновь окунусь в ставшее уже привычным, сводящее с ума вождение. Противно. Не человек, а кошка мартовская, ей богу! Может, ну их, эти запреты? Найти мужика и... будь что будет.

И тут же перед внутренним взором пронеслась увиденная мной некогда картинка на вокзале. Та девица, так неистово совокуплявшаяся с рычагом от водоклонки, вдруг она тоже ведьма, не сумевшая сберечь честь? От этой мысли меня аж передернуло. Нет. Не стоит усугублять ситуацию. Семь месяцев же терпела. Потерплю и еще столько, сколько надо. Вдруг и вправду удастся избавиться от проклятия? Ну, а если не поможет эта затея с управлением снами, значит, судьба моя такая сдохнуть где-то в подворотне, сгорая от похоти, как блудливая кошка.

Я-то наивно возмечтала уже о том, что мучениям пришел конец, ан нет, по сути, семь месяцев ночных кошмаров – это всего лишь начало. Теперь эти видения будут со мной и во сне, и наяву. Их придется не просто помнить, а анализировать, их надо будет не только переживать, а контролировать.

В таких невеселых размышлениях я и миновала заросший

бурьяном сад, сразу за которым начинался берег огромного озера. Небольшой, метров десять косогор плавно перетекал в покрытую песком береговую линию. А дальше убежала вдаль серебрящаяся от неисчислимых солнечных бликов, слегка искаженная плавными линиями волн водная гладь. Противоположный берег ошетинился непрерывной линией лесов, которые местами отступали, оставляя место песчаным пляжам. И никого! Ни вездесущих туристов с палатками, ни отдыхающих, ни рыбаков на лодочках. Странно как-то – почему вокруг такого чудесного места никто не строится?

Бросив на землю выданное бабкой покрывало, скинула шлепанцы. С наслаждением потопталась на месте, пошевелив пальцами ног, и тут же едва ли не по щиколотки зарылась в прогретый солнцем песок. Закрыла глаза, прислушиваясь к окружающим звукам и собственным ощущениям. Запрокинула голову. Легкий ветерок играет распущенными волосами, лучи вечернего солнца ласково пригревают кожу. Благодарь. Хорошо, спокойно, но горько от мысли о том, что все это лишь передышка.

Хватит хандрить! От того, что горюю, ничего не меняется. Прогулялась пару десятков метров вдоль берега. Скинув сарафан, сделала первый шаг к сверкающей солнечными бликами поверхности, гадая: какая она – теплая или холодная? Незнакомые озера – коварная вещь, погода может быть солнечной, жаркой, но если поблизости родники, то вода будет студеной, едва ли не как в проруби. По старой привычке, пе-

ред тем как испытать что-то новое, загадала желание – окажется теплой, справлюсь с Агрипининым заданием, холодной – нет.

Глупость, конечно, стоит ли искренне верить сохранившимся с детства предрассудкам? Вот только случайно или нет, но этот способ всегда доказывал свою действенность. Сколько себя помню, загадывала желания: вкусно – значит одно, невкусно – значит другое... А узнав итог эксперимента, с нетерпением ждала результата. И да – как задумывала, так и происходило. С каких это пор повелось? Не помню. Сама ли до этого додумалась или подсказал кто-то? Тоже. Может, это еще тогда, в детстве, таким образом выбиралась наружу моя ведьмовская суть? Как бабушка говорила – просто знай, что так и будет, верь, не допуская сомнений, и ведь так оно и было. Сформулировав желание, я испытывала условие, на которое оно завязано, и исходя из этого истово верила, что все будет как загадано, и никак иначе.

Каждый шаг словно пытка. Вот и дернуло же вспомнить былые забавы, на кону-то не мелочь какая-то типа подарят ли куклу или сдам ли экзамен, а мое будущее. Песок из сухого и сыпучего превратился в рыхлый, влажноватый, и самое жуткое в том, что он холодит стопы. Сердце сжалось в ожидании самого худшего. Внутри заворочался страх: а может, ну его, это озеро? Не войду в воду, не узнаю ответ, а там уж как судьба распорядится. Вот только хоть и страшно, но узнать все же хочется. Даже если не порадует меня резуль-

тат, буду хотя бы морально готова к худшему, а так, изведусь только от мысли, что могла узнать, но струсил.

Еще шаг. Влажный песок упруго пружинит под ногами. Постояла немного, успокаивая сбившееся от волнения дыхание. Вот же она вода – рядом, еще немного и... Сжала кулаки, зажмурилась и сделала решающий шаг. Стоп коснулась вода. Не пойму, тепло ли, холодно ли? От страха, кажется, чувствительность притупилась.

Вздыхаю поглубже и вновь делаю шаг. Щиколоток коснулась ласковая теплая волна.

– Фу-у-ух... – с облегчением выдохнула я, испытав небывалое облегчение.

Улыбаясь, делаю еще шаг, и еще...

– Господи, какое же блаженство! – шепчу, а душа поет – у меня все получится!

Открыла глаза. Быстро входить в неизвестном месте не рискнула, мало ли что там на дне? Вода прозрачная, но кто знает, что в песке скрыто? Да, хочется верить, что в этом заповедном месте нет всяких бутылок и стекляшек, но природные препятствия типа топляка, камней или водорослей никто не отменял.

Дно оказалось чистым, глубина плавно прибывала. Мягкие прикосновения волн ласкают бедра, щекоча кожу. Еще вчера эти ощущения вызвали бы приступ очередного возбуждения, а сейчас – нет, просто приятно.

Накупавшись вдоволь, выбралась на берег, расстелила на

прогретом солнышком песочке покрывало. Лежу, сквозь веки наблюдая за проплывающими мимо редкими облаками. Хорошо. Спокойно. А мысли начинают возвращаться к моим снам. Вот только бывшего страха они теперь не вызывают, скорее какой-то академический интерес.

Началось это в конце прошлой осени. Сначала припомнился нелепый спор с соседками по комнате в общежитии о шарлатанстве так называемых ведъм, дающих объявления в газетах и Интернете, последовавший за этим приворот, призванный доказать – истинные ведъмы существуют. В ту же ночь последовал первый визит «ночного гостя».

Вспомнилось мое первоначальное смущение, довольно быстро сменившееся неведомыми ранее ощущениями. И да, тогда мне это понравилось, хоть и хотелось чего-то большего, но я впервые испытала оргазм, получив разрядку. В то утро я порхала, будто окрыленная. Впервые осознала, что, несмотря на лишние килограммы, могу быть желанной. Ну и факт того, что способна ощутить *«такое»*, радовал, ведь прежде считала себя неполноценной: у сверстниц уже были парни, секс или как минимум поцелуи, а у меня – ничего, даже физического желания. К вечеру я ждала момента, когда же засну, надеясь, что незнакомец вновь придет. Пусть контакта с ним и не было, но под его руководством хотя бы удалось побороть смущение.

Он пришел. И в ту ночь, и в последующие. Сны постепенно начали становиться все длиннее и насыщеннее в эмоци-

ональном плане. Вместо того чтобы отдохнуть, я просыпалась измотанная, утомленная, но в первые недели меня это не слишком напрягало. Днем я смаковала воспоминания из своих ночных «похождений», и постепенно пришло «желание». Грудь ощутимо увеличивалась, норовя вырваться из сковывающего ее свободу тонкого лифчика, соски обретали повышенную чувствительность и топорщились, привлекая внимание и смешки окружающих, в животе разгорался жар, половые губки набухали, и сочились, вынуждая даже в обычные дни использовать прокладки во избежание появления влажных пятен на юбках и брюках.

Сначала эти ощущения приносили некую пикантность в мою серую размеренную жизнь. Возбуждение дурманило, опьяняло, я нет-нет да ловила на себе заинтересованные взгляды парней, на животном уровне ощущавших, что самочка созрела. И главное – под прессом всех этих впечатлений мой вес довольно бодро начал снижаться! Вначале я даже испугалась, ведь кожа обвисла, как у шарпея, грудь опустилась, ан нет, все быстро подтянулось, став упругим. Все чаще удавалось услышать завистливые шепотки среди девчонок, а кто-то и напрямую восхищался происходящими с моим телом метаморфозами.

Со временем оказалось, что у меня хорошее строение: длинные красивые ноги, тонкая талия, красивые и на редкость гармонично сложенные плечи и шея, высокая полная грудь. Еще и лицо, бывшее некогда обычным, измени-

лось: контур овала стал четче, носик и скулы слегка заострились, глаза и слегка пухловатые губы теперь казались гораздо крупнее. Это было настоящим чудом, ведь чего я только не перепробовала – и диеты, и зарядки. Максимум теряла пару килограммов, которые вскоре возвращались обратно, а зачастую еще и с довеском в виде лишних граммов.

В общем, одни плюсы, а мое ставшее хроническим возбуждение поначалу было вполне терпимо, дождавшись ночи тело получало разрядку и успокаивалось. Но изо дня в день мои дурные мысли возвращались к будоражащим либидо видениям, и к вечеру я начинала сгорать от потребности в ласках, но все еще не изжившее себя смущение не позволяло удовлетворять себя в реальной жизни. И во снах, как назло, я все больше ощущала возрастающую неудовлетворенность. Обычных ласк уже было мало, хотелось большего, а мой ночной визитер по-прежнему только смотрел и направлял, но не прикасался, и тут появились они – новые действующие лица. Увы, с их появлением стало лишь хуже. Поначалу не решалась даже смотреть в их сторону, но возбуждение и любопытство изгнали стеснительность. Будучи не в силах что-либо изменить, я смотрела, как они ласкают друг друга, и неистово терзала свое собственное тело. А на утро просыпалась, сгорая от так и оставшегося неудовлетворенным желания, неотступно преследовавшего меня до тех пор, пока не научилась уединяться и снимать напряжение.

Пока вспоминала, картинки прошлого проносились перед

моим мысленным взором, воспроизводя события ночных видений. Вот только было не понять: удавалось ли мне реальной как-то повлиять на происходящее там, во снах? Да и реакцию мужчины сложно было оценить, до одного, ставшего переломным момента...

«Вж-ж-ж-ж-з-з-з-ж-ж...» – раздалось возле самого уха, заставив выскользнуть из размышлений. Отмахнувшись от назойливого насекомого, заметила, что солнце уже вот-вот уйдет за горизонт, да и прохладно стало. Быстро натянув сарафан, надела шлепки и, прихватив покрывало, под ворчливое урчание успевшего проголодаться желудка пошла к дому.

– Как отдохнула? – стоило мне переступить порог, поинтересовалась суетящаяся возле плиты Агрипина.

– Хорошо, – улыбнулась я.

– Думала о... – она оборвалась на полуслове, взглянув на меня.

– Да, – отвечаю.

– И что-то уже нащупала в своих воспоминаниях? – при этих словах старушка аж немного вперед подалась.

Я лишь головой помотала. Что тут скрывать? Ну – да, пока что мои изыскания не увенчались успехом, что и немудрено, ведь вспоминала-то весьма поверхностно, а придется это делать кропотливо, восстанавливая в памяти мельчайшие детали. Я просто обязана найти те ключики, которые позволяют мне, реальной, взять верх над собой из снов. Но это потом,

а сейчас...

– Дадите мне сегодня такого отвара? – попросила я и тут же пояснила: – Анализировать лучше на свежую голову.

– Значит, что-то уже заметила, – довольно покивала каким-то своим мыслям старуха.

Пришлось признаться в том, что, стоило обнаружить первую реакцию синеглазого, тут же отвлеклась.

– Ну и хорошо, – пошамкав по-стариковски губами, скрипела Агрипина. – Я ж когда-то, как и ты, ответ на этот вопрос искала. И нашла.

Глава 6. Исследование № 2

Пока ужинали, Агрипина помалкивала, думая о чем-то своем, а меня так и распирало от любопытства: «Что она в юности учудила, коль пришлось так же, как и мне, учиться управлять снами. Ну и да – откуда она обо всем этом узнала? Или на собственном опыте... вернее, не так, неужели сама сумела найти решение?» Вот только отвлекать ее не хотелось, мало ль что полезное припомнит и присоветует.

Закончив с едой, старушка собрала со стола тарелки, отмахнувшись от моей попытки помочь, и зашаманила опять возле плиты, шурша какими-то пакетиками, звякая склянками и успевшим закипеть чайником.

– На вот, выпей, – наконец-то произнесла она, протягивая стакан с парящим отваром из трав.

Вкус у напитка несколько отличался от испробованного накануне, но я не придавала этому значения. Спала опять как убитая, но в этот раз мне даже сон привиделся. Обычный, без синеглазого соглядатая.

Я стояла на пестром от цветов лугу, с трех сторон окруженном лесом, с четвертой же открывался вид на огромное озеро, бабочки вокруг порхают, пчелки жужжат, а рядом на уже знакомом покрывале барахтается, пытаюсь встать на четвереньки карапуз нескольких месяцев от роду. И почему-то я знаю – это девочка, это – моя дочь!»

Проснулась, ощущая себя отдохнувшей и полной сил. Хотела опять уборкой заняться, но Агрипина меня остановила: – Успеется еще, – говорит. – Там чай с блинчиками, – она махнула в сторону стола. – Попей и пойдем, я тебе кое-что покажу.

Спросить бы что именно? Да неудобно как-то. Хотела бы – сама сказала, а так... вот сходим и увижу. Надеюсь, она меня не на кладбище потащит.

Погода сегодня была чудесной: солнечно, безветренно, и при этом не слишком жарко. Агрипина еще в доме вручила мне какую-то довольно увесистую котомку. Ну а я-то что? Дали. Беру. Велели нести. Несу.

Выйдя за калитку, старушка пропустила меня вперед, прикрыла за собой дверцу, а вместо замка использовав один из черепов: дыркой, где когда-то была шея, надела его на верхушки двух колышков – одного от калитки, второго от забора.

– Жутковатый замочек, – поежилась я.

– Ай, из этой головы когда-то знатный холодец получился, помнится, – махнула рукой бабка и тут же к ней на плечо с пронзительным карканьем опустился тот самый ворон, которого я видела в день приезда. – Опоздал ты, Гришка, – погладив птицу по головке, молвила старуха. – Нет у меня с собой ничего. Вот вернусь – покормлю.

Птица недовольно коротко каркнула и, взмахнув крыльями, спикировала с плеча на землю. А меня зацепила огово-

рочка: она сказала «вернись», а не «вернемся»! Но озвучить свои опасения я не решилась.

— Прямо как в страшной сказке: дом с черепами напротив кладбища, черная кошка, ворон...

— А как иначе, в людях же веры мало, а злости много. Так вот приходят и кому действительно что-то необходимо, те, переборов суеверный страх, входят в дом с верой, и для таких мои заговоры действуют безотказно. Ну а лихой народ да шутники всякие, наоборот, таких мест сторонятся. Хотя, чего мертвых бояться? Тех же черепов.

Тем временем мы все шли по дороге, в ту сторону, где я еще не бывала. За нашим домом обнаружилось еще несколько скособочившихся заброшенных построек, некогда бывших домами, и все. Даже кладбище, располагавшееся на другой стороне от дороги, закончилось. Теперь мы топали по тропинке. Окружавшие нас на выходе из деревни кусты сменились редколесьем, а вскоре и вовсе стало темно под древними кронами могучих деревьев. А минут через пять впереди показался просвет и... Мы вышли на луг из моего сна!

— Обалдеть! — озираясь по сторонам, воскликнула я.

Ошибки быть не могло: точно так же с трех сторон лес, возле выхода с тропинки стоит запримеченная мною во сне расщепленная молнией сосна, а с четвертой стороны — то самое озеро, в котором я вчера купалась.

— Видела? — с нотками гордости то ли спросила, то ли кон-

статировала Агрипина.

– Угу, – промычала я, продолжая, не веря своим глазам, озираться по сторонам.

– И что же ты видела? – уточняет, и откуда-то приходит понимание, она не о том, что вокруг, а о сне.

– Этот луг, то покрывало, что вы мне вчера на озеро дали, и малышка на нем...

– Значит, получится все у тебя, – улыбнулась бабка. – Я ж специально кой-чего примешала в отвар, сон вещей чтоб призвать. Вот и увидала ты свое будущее: справишься с бедой, дочку родишь и в эти края воротишься.

– Так вы, что ж, знали, что мне это место привидится? – вылупилась я на нее, а та лишь руками замахала, рассмеявшись хрипловатым каркающим смехом.

– Бог с тобой, деточка! Откуда бы?! Просто решила место силы нашей ведьмовской показать, – говорит, а сама, приминая траву, напрямки через луг идет, и не смотрите что дряхлая, а бодренько так просторы бороздит. – Думаешь, протянула бы вот так просто ни много ни мало до сто пятнадцати годков? Ты ж, почитай, аккурат на мою очередную годовщину в гости нагрянула.

Я аж споткнулась, цифру услышав. Сто пятнадцать! Офи-игеть! И ведь все сама делает. Да и меня кормит, поит.

– Раньше не часто тут бывала, раз в год примерно. А последние лет пятьдесят раз в месяц обязательно прихожу сюда, – ее скрюченные, обтянутые сухой, словно пергамент, ко-

жей пальцы, указали на ничем не приметный кусочек луга. – Будь в то время хоть снег по пояс, хоть дождь проливной. Ты-то, покамест силу не осознала, не почувствуешь, но я еще в молодости это место валунами обложила, не споткнись о них, смотри под ноги. Они с годами подпросели, конечно, но на случай чего какой-никакой ориентир.

– И что в этом месте? – уточнила я.

– Так говорю же, тут сосредоточение сил. Ну-у... как бы это пояснить... Организм подпитку получает, да и вообще, в таких местах нашей братье даже думается лучше. Потому и решила тебя привести. Вот тут и думай, – говорит. – Того гляди и ответ скорее сыщешь, – добавляет, а сама обратно разворачивается, собираясь уходить.

– А... – Я скинула с плеча котомку.

– Это тебе. Там покрывало, да еда кой-какая. Ну а к ужину жду, – проскрипела старуха и поковыляла к теряющейся меж деревьями тропинке.

Проводив ее взглядом, прошла немного дальше и таки загнулась о верхушку притаившегося в траве валуна. Оценив его размеры, аж присвистнула: сейчас он почти весь утонул в грунте, выступая всего сантиметров на двадцать вверх, но оставшаяся на поверхности часть впечатляла – примерно с полметра в диаметре! Вот и как она их таскала сюда? Я б такой и не сдвинула, наверное.

Обогнув препятствие сбросила котомку на траву, и еще раз оглянулась по сторонам. Хм... а ведь в том сне именно

на этом месте я и стояла. Ну что ж, все одно к одному. И вчерашнее мое гадание на воде, и сон, значит, все получится, дело за малым: приметить, на что реагирует синеглазый, и как-то научиться управлять собой во снах.

Расстелила я уже знакомое покрывало, не удержавшись посмотрела, что там мне Агрипина собрала: пластиковая двухлитровая бутылка с мутноватым чаем, видимо, как всегда, медом подслащенным, еще литровая с водой, лепешки, пара яблок и в полиэтиленовых прозрачных пакетиках отварная картошка, соленые огурцы, сало.

Скинула всю одежду, и в чем мать родила разлеглась, решив воспользоваться тем, что утреннее солнце не слишком сильное, вокруг ни души, а значит, можно позагорать. Отхлебнула чаю. Легла и уставилась в чистое, безоблачное небо. С чего ж начать-то? Думаю, первые дни рассматривать смысла нет. Вчера, помнится, мысль какая-то мелькнула... Что ж там было-то... Ах, да...

Это произошло как раз в ту ночь, когда в моих видениях появились новые действующие лица. Начиналось все как обычно – он и я, тихий хрипловатый приказ ласкать свое тело, мое безропотное подчинение. В какой-то момент, умудрившись оказаться поперек кровати, я одной рукой неистово терзала половые губки, клитор, и так и оставшийся неоскверненным вход в святая святых, вторая ладонь мяла грудь, перед глазами все плыло, дыхание сбилось, а тело готовилось вот-вот забиться в экстазе, и вдруг... Синегла-

зый оторвал от меня взгляд и приглашающе махнул рукой в сторону двери. Тут же в комнату вошли двое: высокий сексапильный брюнет и смуглая блондинка с роскошной гривой волос.

Я, вмиг остыв, напряглась и, натянув на себя одеяло по самый нос, взирала на незваных посетителей, явно успевших стать свидетелями моего позора. Не знаю, кто это и почему их пригласили, еще и вид у меня такой... да и поза фривольная: ноги согнуты в коленях, голова свесилась в проход, пот проступил на полыхающем от смущения лице, а про прикушенную губу и бегающие глаза вообще лучше молчать. Одно дело – привыкнуть к тому, что на соседних кроватях спят соседки по комнате, и знать, что впоследствии они остаются в неведении о происходившем здесь по ночам, считать само собой разумеющимся присутствие синеглазого, но эти люди...

– Начинайте, – произнес мой ночной визитер, а я напряглась: что-то сейчас будет?

Бросив на меня мимолетный взгляд, «гости», повинувшись приказу, начали...

Их губы слились в нежном поцелуе, руки, едва касаясь одежд, заскользили по телам друг друга. Я пыталась отвести взгляд, ан нет, не вышло – пришлось наблюдать за происходящим.

Постепенно объятия стали жарче, первой упала на пол блуза, открыв взору красивое нежно-розовое кружевное бе-

лье, ненадолго задержавшееся на теле своей хозяйки, затем последовала рубашка парня... Вскоре передо мной предстали во всей своей природной нагоде два великолепных тела, сплетенных в жарких объятиях. Особенно впечатляли равномерный золотистый загар у девушки и полное отсутствие волос на смуглом теле мужчины. Рассматривая их, с удивлением осознала, что плотоядно облизывая внезапно пересохшие губы.

Тут-то и началось самое интересное: девушка, медленно покрывая поцелуями тело партнера, начала медленно оседать вниз, и... вот что она там делает, а? Ее руки и лицо оказались на уровне мужского паха. Парень осторожно ухватил блондинку за волосы, направляя движения, а сам, зажмурив глаза, с тихим стоном запрокинул голову назад.

Нет, так нечестно! Нечестно! Нечестно!!! Попыталась сменить позу и ракурс. Ага, размечталась, наивная. В этот миг хотелось биться головой об стены из-за своей беспомощности. Я, конечно же, догадывалась, что именно она делает, но если уж по воле синеглазого я тоже стала наблюдателем, то хочу видеть все!

А тут еще и звуковые эффекты добавились: смачное чмокание и мычание вошедшей в раж девицы, учащенное дыхание и постанывание парня. Под одеялом стало невыносимо жарко, внизу живота полыхает требующий удовлетворения огонь, а еще... еще мое бывшее смущение сошло на нет. Чего стесняться тех, кто не стесняется тебя?

Я не заметила, как собственные руки стянули мой покров, оголив торчащие вверх холмики груди. Прохладный воздух вопреки ожиданиям не остудил мой пыл, а опалил полыхающую жаром, взмокшую кожу. И да, в тот миг на лице си-неглазого появилось удивление: он приподнял одну бровь, в глазах мелькнула заинтересованность, голова как-то странно склонилась набок, но тут же все это исчезло, сменившись обычной маской холодного безразличия.

А в следующую секунду мне стало не до него: блондинка, все так же руками и губами лаская тело мужчины, грациозно поднялась, умудрившись как-то по-кошачьи выгнуть спину. Но парень тут же надавил ей на плечи, возвращая к исходной позиции. И все бы ничего, но на этот раз, вместо того чтобы присесть – она отступила на шаг назад, оказавшись возле самой кровати и... наклонилась! М-м-м... Моя голова очутилась как раз между ее слегка расставленных ног. Теперь я видела ее подбородок, слегка покачивающиеся груди с темными ареолами возбужденно торчащих сосков, и... да, начисто выбритые и, как ни странно, тоже загорелые половые губки. Возникло желание коснуться ее, но мое тело, как всегда, спасовало.

Ну что ж, я хотела видеть? Пожалуйста. Получила желаемое. Это не совсем то, чего можно было ожидать, но и этот ракурс оказался довольно интересным. В какой-то момент мужчина вошел в азарт и, схватив подругу за голову, начал усиленно насаживать ее на свое достоинство. Грудь колы-

хались в такт движениям, его выбритая мошонка шлепала по подбородку почмокивающей и порою мычащей и поста-
нывающей девушки, а нависающие надо мной набухшие от
возбуждения, влажно поблескивающие половые губки нача-
ли сжиматься-разжиматься, выдавливая все новые и новые
капли женского сока, а потом... задрожали, и на мой подбо-
родок упала сорвавшаяся с ее нижних губок тягучая капля!

Во рту пересохло. Еще недавно, случись подобное, меня,
наверное, вывернуло бы от отвращения и брезгливости, но
сейчас я всем своим существом жаждала слизнуть эту каплю.
Ощутить ее вкус, а лучше... лучше припасть губами к источ-
нику. Почувствовать, как эта головокружительная красotka
стонет от моих прикосновений, заставить ее кричать в голос
раз за разом, сотрясаясь в экстазе! Увы. Рожденный смот-
реть, потрогать не сможет. Не выдержав напряжения, косну-
лась своей промежности. О, боги! Никогда еще там не было
настолько мокро! И так сладко... Я смотрела на то, как тре-
пещут ее половые губки, и ощущала, что мои произволь-
но вторят этим движениям. И да, в тот день я уже не хотела
большего...

Собственно, тогда мне удалось всего один раз пойти про-
тив воли синеглазого. Это его, кстати, и зацепило. Ну а в кон-
це, очутившись между ног блондинки, уже не могла видеть
его реакцию. Ну что ж. Один момент в копилочку: возмож-
но, когда я реальная, а не только та, во сне, возбуждаюсь, мне
удается, пусть и ненадолго, управлять своим телом. А зна-

чит... значит, я должна изначально, перед тем как заснуть, быть на взводе. Что ж, когда возвращение снов станет неизбежно, – попробую. Ну а пока... пока стоит поесть... И, наверное, не мешало бы прогуляться до озера, что-то от всех этих воспоминаний тело огнем горит.

Глава 7. Неожиданный поворот судьбы

Солнце вошло в зенит и начало припекать. Желудок урчит, но общее состояние настораживает. Попив водички, я решила, что первым делом стоит все же искупаться, смыть навеянное воспоминаниями напряжение, а еда никуда не убежит.

Прогулка на озеро действительно помогла снять охвативший тело жар. Стоит заметить, он был несколько иным, не таким, как после моих снов раньше: мне было жарко, щеки горели от смущения за некогда пережитое, тело находилось на грани возникновения плотского желания, но немедленно-го удовлетворения не требовалось.

Вернувшись в круг силы, не спеша перекусила и задумалась о том, как бы укрыться от вездесущего светила, а то так ведь и сгореть недолго, а потом мучайся. Покопавшись в торбе, обнаружила там простынку из легкой ткани. Сначала попыталась поудобнее устроиться на травке, накрывшись с макушкой найденной тканью. Увы, при полном отсутствии ветра сразу же стало невыносимо душно.

Выбравшись из-под простыни, оглянулась по сторонам. Идти под кроны деревьев не хотелось. Во-первых, в начале редколесья, и в нем не укроешься, а дальше мрачновато, а

во-вторых, Агрипина сказала, что здесь, именно на этом месте, думается лучше. Может, это и предрассудки, но я поверила.

И тут меня осенило: надо найти четыре палки, вбить их в землю в качестве колышков и на них повязать простыню – получится навес. Иду. Вот уж первые кусты начались. Только хлипкие они, дальше пошел молодняк, но веточки у него кривенькие, тонкие и хрупкие. Так и углубляюсь в лес. Как назло, ни одного пригодного сучка не валяется, все как выметено, только сушняк да веточки мелкие хрустят под ногами. И вдруг... боковым зрением замечаю нечто странное, никак не вписывающееся в окружающий пейзаж. Притормозила. Озираюсь по сторонам. Странно. Вроде лес как лес, ничего неправильного не видно, но ведь было же нечто! Делаю шаг назад. Еще один.

И вот оно! Я уставилась на совершенно неуместную здесь скульптуру из дерева: головы на полторы выше меня, мужчина, причем обнаженный, вон промеж ног какое стоящее внимания достоинство топорщится. И вырезан он не впопыхах и абы как, а явно с чувством, толком и расстановкой ваялся. Тело отшлифовано едва ли не до лакового блеска, вполне различимы рельефы мышц, мельчайшие черты лица, а в глаза какие-то камни вставлены вместо радужек. И да – камни эти синие, и напоминает он мне одного знакомого из снов, да и не только из снов.

Смотрю на деревянную скульптуру и все больше где-то

внутри растет уверенность, что все это отнюдь не случайность и ответ явно надо у Агрипины искать. Метнулась я обратно на луг, где вещи оставила, нашла мобильник. Да, толку от него тут нет, но на всякий случай по привычке таскаю с собой – вдруг да появится где-нибудь связь? Или сфотографировать что-нибудь захочется, как сейчас, ну и на крайний случай время всегда посмотреть можно. Схватила телефон, бегу обратно, боясь, как бы не заплутать да мимо или стороной не пройти. Нашла. Сняла со всех, каких только можно, ракурсов, просмотрела снимки и, довольная результатами фотосессии повернула обратно к лугу.

К тому моменту, как выскочила из подлеска, холодный ветер неожиданно поднялся, а совсем недавно солнечное небо тяжелыми свинцовыми тучами заволокло.

«Ка-ар-р-р...» – душераздирающий хриплый звук, раздавшийся над самым ухом, напугал, заставив инстинктивно пригнуться, прикрыв голову рукой. И тут же на нее, обдав потоками ветра и цепляясь когтями, что-то, вернее, кто-то нагло взгромоздился... Все так же согнувшись в три погибели и на всякий случай прикрывая лицо, опускаю руку...

– Гриша? – удивленно воззрилась я на восседающего на моем предплечье ворона. – Ты-то что здесь делаешь? – спрашиваю, заглядывая в его черные бусины глаз.

– К-ка-а-ар-р-р... – еще более пронзительно закричал ворон и, оттолкнувшись, взвился вверх, пролетел с десятков метров в сторону деревни и вернулся, но сел в этот раз на

покрывало, прихватил клювом котомку и потрепал ее из стороны в сторону.

– Собираться? – спрашиваю, хоть и понимаю, что глупо это – с птицей разговаривать, но он будто понял и, отбросив котомку в сторону, кивнул!

На сбор вещей не ушло и минуты, и вот под ногами уже стелется тропинка, и первая развалюха, стоящая на краю деревни, уже позади, кладбище по другую сторону дороги началось. Ветер усиливается, пробирая до костей, и с неба начинают срываться первые крупные капли дождя, заставляя ускорить шаг. Остановиться бы, достать покрывало, обернуться – хоть какая-то защита от ветра да дождя, но на душе что-то беспокойно, вон и Гриша носится вокруг с карканьем, будто подгоняя.

А когда впереди на дороге стала видна припаркованная машина, совсем не по себе стало – кто пожаловал? Конечно же, нельзя исключать, что кто-то может и не к моей хозяйке приехать, а, например, на кладбище предков почивших помянуть, но... что-то не так – чувствует мое сердечко, а ноги уже почти бегут.

Вот и вправду странное дело – калитка нараспашку. Где же это видано, чтобы Агрипина ее открытой оставила? Вбегаю в дом, а там трое незнакомых мужчин за столом сидят, и вокруг бумаги какие-то разложены.

– Вы внучкой Агрипине Васильевне приходитесь? – поднял взгляд от бумаг один из гостей, а я даже опешила: да,

разговор о том был, но как-то всерьез не воспринимался.

Заметив, что я расстерялась, второй мужчина вперился в мое лицо цепким взглядом и уточнил:

– Сорокина Валерия Семеновна?

– Д-да... – выдавила я, так и не понимая, что тут происходит.

– Подписи свои поставьте пожалуйста, – кивнув и освободив свое место, пригласил меня присесть. – Тут, тут и тут.

Как-то на автопилоте, даже не читая подписываемых бумаг, черкнула везде, где требовалось, и подняла ничего не понимающий взгляд.

– «Скорую» мы уже вызвали по экстренной связи, – говорит второй, убирая часть бумаг в папку, а часть аккуратной стопочкой складывая на уголок стола. – Шли бы вы к бабушке, может, попрощаться успеете еще.

Что? Попрощаться? Внутри все перевернулось, и я метнулась в нашу спальню. Бледная как мел Агрипина лежала на своей кровати, прямо поверх одеял.

– Ты уж прости, девонька моя, – явно не без труда прокрипела старушка. – Недотянула я. Думала правнучку помянчу... Кх-кх... – ее тщедушное тельце сотряслось в приступе кашля.

Сухонькая трясущаяся ручка попыталась поднести к губам стакан с водой, но вода проливалась, так и не попадая в рот. Я кинулась помочь. Сделав пару глотков, Агрипина откинулась на подушку. Легкие со свистом втягивали воздух.

Но она все же продолжила:

— Ан нет, не сдюжила, — говорит и протягивает мне стакан, отводя взгляд. — Возьми.

Ну, а я-то что? Взяла... И тут меня словно молния ударила. А в памяти ожила картинка прошлого: точно так же было, когда мне моя родная бабка свою ведьмовскую силу передавала. Это что ж такое выходит?!

— Вы... — схватив ее за теплую ладошку, воскликнула я, но оборвалась на полуслове, заметив застывшую на лице старушки блаженную улыбку. — О, нет... — выдохнула, осознавая, что именно произошло, и, словно в ответ на это, с улицы донесся звук сирены «Скорой помощи».

Это напоминало кошмарный сон. Кажется, кто-то входил в помещение, что-то говорили. Что-то спрашивали, но я не помню — отвечала ли? Я сидела рядом с ней, держала за все еще хранившую тепло руку и да — плакала. Она оказалась единственным, кто мог и пытался помочь, кто приютил, ничего не требуя взамен. Столько всего можно было узнать, но, увы, теперь ответы уйдут в могилу вместе с их обладательницей. А самое жуткое в том, что я действительно воспринимала эту, еще совсем недавно незнакомую пожилую женщину своей близкой родственницей.

Не помню, как все разошлись. Пришла в себя, когда в комнате совсем стемнело. За окном по-прежнему завывал ветер, в доме ощутимо похолодало, и только коленям было тепло — на них, грустно смотря на Агрипину, лежала Ночка. Вздох-

нув, провела рукой по кошачьей головке, и та тут же подняла на меня полные тоски глаза. Вот и что теперь делать? Приподняла зверюху, вышла в светлицу, по пути зачем-то включив в комнате свет.

Как оказалось, давешние гости ушли, не затворив за собой плотно дверь, вот и кошка, вечно во дворе обитавшая, в дом забежала, и холод с улицы пробрался. Сил на то, чтобы закрыть двери, не было. Внутри воцарилась звенящая пустота. Еще утром я восхищалась силам старушки, ее бодрости, и на тебе. Взгляд упал на лежащие стопкой бумаги и какой-то пожелтевший от старости конверт.

Ссадила кошку на скамью, подтянула документы к себе. Свидетельство о смерти. Разрешение на захоронение. Дарственная на дом. Вексель на предъявителя в банк. И бумаги на право наследования. Хм... вот и что у бабульки, кроме дома-то, наследовать, а ведь он дарственной оформлен. Ну да ладно, потом узнаем, сейчас о таком даже думать стыдно. Человек умер, до сомнительных сокровищ ли тут?

Сама не заметила, как руки распечатали письмо.

«Здравствуй, внученька. Знаю, что по крови мы не родными будем, в вешем сне я все уже видела и жду тебя. Прости, что силу передам без твоего на то согласия, да тебе и не привыкать – каплей больше, каплей меньше. С бедой своей борись, как я наставляла. У меня получилось, и ты справишься. Сходи к Кондрату, он знает что делать. Как похороните меня, побудь какое-то время в доме, в круг силы похо-

ди. А потом приезжай, как появится возможность. В спальне в нижнем ящике шкатулка. Ее содержимое заberi. Люди этого места побаиваются, но кто их знает, вдруг позарятся на ведьмино добро. Ночку и Гришу оставляю тебе, больше некому их доверить. Назови дочь Златой. Удачи тебе, девочка. Не поминай злым словом, коль обидела тебя чем – прости. Отвар нужный я сделаю, стоит на плите. Рецепт в конце поварской книги, там же лежит. Агрипина».

Вот не курю я... Ну, то есть пробовала, желая вес сбросить. Не помогло, но втянулась. А когда начались эти сны изматывающие, все деньги уходили на шарлатанов, именуемых экстрасенсами и ведьмами, тогда-то и пришлось с пагубной привычкой завязать: на покупку сигарет просто-напросто средств не было. Но, несмотря на это, в сумке всегда лежала пачка.

И сейчас я шла к выходу из дома, распаковывая ту самую пачку. Руки мелко дрожат, в горле ком стоит. Стоило на улицу выйти, и ветер затих. Тучи немного расступились, открыв взгляду полную луну. Села я на лавку, чиркнула спичкой, затянулась и едва сдержалась, чтобы не закашляться. В горле запершило с непривычки, но главное – мысли немного затуманились, и даже легче как-то стало. Знаю, что эффект кратковременный, но...

Что ж теперь делать-то? Ну со снами ясно-понятно план разработан, но пугает то, что силы во мне теперь немерено: и своя от роду, и от родной бабки, а теперь и от Агрипины. А

что с той силой делать-то? Кто б научил? Агрипина могла, да не успела. Еще и наследство это. Ну вот похороним, поживу немного тут, как завещано. Съезжу в банк, гляну, что там. А что мне делать с Гришкой и Ночкой? Если домой к родителям в таком обществе заявлюсь, так люди ж шарахаться будут, молва-то быстро разлетается, а о том, что бабка ведьмой была, в моих родных кроях всем ведомо. Но это полбеды, а что делать, когда учебный год начнется? В общежитие-то с животными нельзя...

Словно в ответ на мои мысли, обдав меня порывами ветра из-под крыльев, рядом беззвучно опустился Гриша.

– Да, дружок, о тебе-то я и думала, – невесело усмехнулась я, погладив ворона по голове, и тут же с другой стороны прильнула Ночка, пришлось и ей немного ласки выделить.

Так и просидели втроем до рассвета. А там уж надо было что-то делать: встала, потянулась, морально готовясь к дальней прогулке до той деревни, куда автобусы ходят.

– Вот и где мне этого Кондрата искать? – ни к кому конкретно не обращаясь, проворчала я.

Тут же Гришка встрепенулся – взлетел, уселся на один из черепов на калитке, и Ночка к нему присоединилась. Нет, на забор не взобралась, но метнулась к выходу со двора и замерла, будто в ожидании.

– Хм... – только и смогла выдать я, уже устав удивляться разумности Агрипининой... вернее, теперь уже моей – живности.

Делать нечего, притворила входную дверь в дом и вышла на дорогу, по бабушкиному методу закрыв калитку черепом.

Гриша кружит над нами, нет-нет да улетаая немного вперед, Ночка бежит впереди меня по дороге, виляя пушистым хвостом. Идем. А возле того дома, где мы с моим провожаемым когда-то разошлись, зверье мое и остановилось. Причем внутрь не сунулись, а дружно с двух сторон от калитки уселись и ждут меня.

– Хм... – повторилась я, ощущая, что меня заклинило на хмыканье. – Хозяин! – кричу.

Сначала никто не отвечал. Решив, что дома никого нет, развернулась, собираясь вернуться в... теперь уже свой дом, и тут откуда-то со двора послышался скрип открываемой двери и тихое покашливание.

– Кто там в такую рань кричит? – раздался знакомый ворчливый голос.

– Вы Кондрат? – вернувшись к калитке, спрашиваю.

– Ну я... – щурясь против утреннего солнца, ответил мужик и, видать, рассмотрел: – Ох! Никак дождалась Агрипка внучку-то? А я, дурень старый, не верил... Ты погоди... – засуетился мужичок. – Я мигом...

Не прошло и пары минут, как он уже вышел на дорогу и молча кивнул, чтобы шла вперед. Ну и ладно, не гордая, надо идти – пойду. Считаю, сутки не спала, да еще и все эти события напрочь выбили меня из колеи, поэтому сил на вопросы просто-напросто не было.

В дом вошли все так же молча. Кондрат прошел в спальню. Окинул взглядом лежащую на своей кровати Агрипину, поклонился едва ли не до самого пола, да и вышел обратно на улицу. Я в растерянности наблюдала за его действиями, но с расспросами не лезла. Мужик тем временем прошелся до сарая, заглянув туда, выбрался наружу уже нагруженный лопатой, деревянным крестом и огромным венком. Поставил все это у выхода из дома и, звеня ведрами, пошел к колодцу.

– Вот, – буркнул он, ставя ведра возле Агрипининой кровати. – Обмой ее. Негоже хорошему человеку грязь с собой уносить, – добавил он и всучил мне тряпицу. – И одежду потом свежую на нее надень. Она в нижнем ящике комода на такой вот случай лежит.

Ушел. Постояла я немного, но делать нечего, придется мыть. Жутко это, когда еще вчера бодрый и здоровый человек превращается в безвольную куклу. А еще... еще кажется, что все это ошибка и она живет всех живых – ведь, говорят, тело отвердеть должно, а оно мягкое! Безвольное – да, но не заостеневшее, как в фильмах показывают или в книгах пишут. Я и пульс пощупала, и сердце послушала, и даже зеркальце к носу поднесла, надеясь увидеть признаки жизни. Увы.

Обмыть ее оказалось несложно, а вот с одеванием возникли некоторые сложности: Агрипина хоть и была тщедушной, но как на безвольно лежащее тело натянуть платье? В конце концов я управилась. Взглянула на нее и не удержавшись

расчесала ее шикарные волосы, заплетя их в косу.

В желудке урчит, а от мысли о еде воротить начинает. Кондрат куда-то запропастился, а что дальше делать – не знаю. И тут вспомнилось письмо и слова о шкатулке. Отыскать ее труда не составило, оказалась она простенькой на вид, но отнюдь не крохотной, да и увесистой на удивление. Вышла я в светлицу, села за стол, открыла крышку и... зависла, как допотопный комп. И было отчего.

Три перетянутые резинкой пачки денег: в одной пятитысячные купюры, в другой тысячные, а в третьей... stodollarовые! И пачечки основательные такие – сантиметров по пять в высоту. От греха подальше я их первой попавшейся тряпицей обернула и на дно своей сумки спрятала. Это ж что, я теперь миллионерша? И придется от каждой тени шарахаться, боясь, что ограбят. Не было печали...

Дальнейшее изучение содержимого меня окончательно в тоску вогнало. Ну вот что я за человек такой? Не было денег, горевала, но жила, появились – печалюсь. В общем, все оставшееся пространство шкатулки занимали рассортированные по мешочкам драгоценности. В камнях я особо не разбираюсь, но уж золото-то точно могу от всего прочего отличить. Были тут и серебряные вещички и еще из какого-то белого метала, уж не знаю, то ли это белое золото, то ли платина. Теперь меня уже ничем не удивишь. В общем, нашла в доме полиэтиленовый пакет и сложила все это добро туда и тоже запрятала в сумку, а шкатулку обратно на место поло-

жила. Тем временем и Кондрат вернулся: по-хозяйски прошел к умывальнику, вымыл руки и уселся напротив меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.